

18+

Станислав Мажинский

Красные нити времени

Бури Газаллакса #2

Станислав Мажинский
Красные нити времени

«Издательские решения»

Мажинский С.

Красные нити времени / С. Мажинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510580-6

Продолжение книги «Дожди мертвых империй» цикла «Бури Газаллакса» преподнесет новые повороты судеб, интриг и приключений от севера Лимессы до юга Шаккама.

ISBN 978-5-00-510580-6

© Мажинский С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Шаккам. Виж-Дираль	7
2. Лимесса. Лигерхальд	12
3. Лимесса. Эйзулур	18
4. Лимесса. Лигерхальд	23
5. Шаккам. Ауддгорф	32
6. Лимесса. Лигерхальд	37
7. Шаккам. Ким-Рабана	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Красные нити времени

Станислав Мажинский

© Станислав Мажинский, 2020

ISBN 978-5-0051-0580-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Каждый шаг, ступивший на пепел, давался болью.
В выжженных городах и полях жизнь упразднилась скоростижно.
Ноющие мысли терзали разум одиночеством и отчаянием,
Не давая отдохнуть изможденному телу бrenно идущего.
Пыль и пепел стеной заполняли взгляд, уводя его до горизонта.
Все, что было за ним, было однообразно и безжизненно.
Скиталец был отвержен небом, землей и судьбой,
И в руках его селились лишь ветер и пустота.
Порочная земля отказывалась принимать его шаги,
Солнце отказывалось давать скитальцу тепло,
Редкие птицы отказывались петь ему чудесные песни, так как сами прибывали в горе.
Нерушимый волей своей, ведомый чистыми помыслами, не сраженный Великим огнем,
Скиталец уходил все глубже в выжженные земли,
Где расплавленная каменная плоть покрывала некогда цветущие сады,
В поисках новых надежд и ожиданий чуда.

Йиргон Великий

Отрывок из гиллады

«Разоренная плоть земли»

«Трактат о тихом пепле»

1. Шаккам. Виж-Дираль

457 индикт Нового Газзалакса

Ход Чиэвы.

Виж-Дираль был удивительным по красоте городом. В нем переплетались архитектура и пышная зелень, изящно дополняя друг друга. Дома были построены из совсем иного песка, чем в Ким-Рабане, придавая городу розовые оттенки. Виж-Дираль был моложе, чем Ким-Рабана и это ощущалось во всем: в скорости города, в его людях и музыке, которая лилась чуть ли не из каждого закоулка. Сюда съезжались молодые люди в желании найти дело по душе. В основном это были парни и девушки, живущие глубоко в непроходимых лесах или предгорных районах. Виж-Дираль принимал всех, но не все добивались заветных целей.

Утреннее солнце постепенно подходило к зениту, изрядно согрев здания, каменные постройки и дороги. Жара начала сменяться нестерпимой духотой. Чистое небо сулило Виж-Диралю прекрасный шаккамский день.

Яфф Мутрабуза вел Гиона по незаметным улочкам, чтобы прайлис не попался на глаза горожанам. Одни встретят его с вопросами, другие – с пожеланиями, третьи – с проклятиями. От всего этого прайлис быстро уставал. Да и сегодня он приехал сюда не общаться с народом.

Парень, ведя своего хозяина по городу, в рукаве держал иглу Каомо на случай непредвиденных обстоятельств. Просочившись сквозь узкие и кривые улочки, они подошли к незаметному домику, стоящему в зелени недалеко от центра города. Перед домиком была небольшая полянка, в шагов десять, путь к которой преграждали кованые ворота и забор из резных прутьев.

Городская жара подходила к своему апогею. На лбу Яффа проступили мелкие капельки пота.

– Мы на месте, – проговорил загорелый Яфф и позвонил в небольшой колокольчик, весевший на воротах.

– Как думаешь, он будет рад нас видеть? – спросил прайлис, осматривая двухуровневое здание.

После повторного звонка к ним вышла молодая хрупкая девушка в черном строгом платье и белом фартуке. Лицо ее не выдало ни радости, ни недовольства. Черные волосы были спрятаны под белой косынкой.

– Добрый день! – произнесла девушка и посмотрела на Гиона.

– Здравствуй, здравствуй, Лия, – снисходительно пробормотал Яфф и повел Гиона во внутрь домика.

Девушка зашла за ними и заперла дверь. В доме было прохладно. Несмотря на крохотные черты снаружи, внутри дома было достаточно просторно. Запах уюта и чистоты наполнял комнаты. Яфф и Гион некоторое время стояли и наслаждались холодком, пропитанным сквозняками и легкой сыростью.

Немного отойдя от жары, Яфф спросил, обращаясь к девушке:

– Где он?

– Он внизу, – смиренно ответила девушка и указала на дверь, которая вела в подвал. – Вам чего-нибудь приготовить?

– Пожалуй, да, – не давая сказать Яффу, вставил Гион. – Сделай нам два холодных сока из ягод.

Яфф согласно махнул девушке головой и она поспешила прочь на кухню.

– Пошли! – скомандовал Гион.

Отворив дверь в небольшом межкомнатном промежутке, они увидели деревянную лестницу, ведущую вниз к искусственному желтому свету. Яфф спустился первым.

– Яфф, – послышался знакомый усталый голос, – Чтоб тебя океанские духи при первой возможности разорвали на части и утащили на дно!

– Ты чего? – Яфф явно не ожидал такого приема. – Я, между прочим, тебе жизнь спас. И вот так ты меня благодаришь?

– Да лучше бы ты меня оставил умирать на берегу, к утру от меня бы ничего не осталось.

– Подумай о детях, Радимб, – сказал Гион и сошел с лестницы на бетонный пол.

Глаза Радимб и Гиона встретились: настойчивый взгляд Гиона и взгляд обессилившего мужчины.

Комната была залита неживым болезненным светом, который лился из большой лампы, подвешанной к самому потолку. Воздух был свежий, но все таки, в нем были заметны запахи лекарственных трав, гнилой плоти, мочи, пота и еще многих зловоний. Это был обычный подвал. Слева был стеллаж во всю стену, в котором был собран всякий хлам: от старых кружек до подгнивших коробок. Возле койки, на которой лежал Радимб, стояло ведро – очевидно для испражнений. Почти под потолком была щелочка, которая вела на улицу. Сквозь нее в комнату просачивался дневной свет, звуки города и свежий воздух. Возле другой стены лежали доски, с торчащими из них кривыми гвоздями.

Радимб лежал на койке, накрытый тонким одеялом. Выглядел он ужасно. Его длинные темные волосы жирными полосами лежали на подушке. На исхудалом лице отросла борода с седыми прожилками. Некогда живые глаза немного впали. Кожа вокруг глаз ввалилась и потемнела.

– Прайлис? – Лежачий мужчина не ожидал увидеть Гиона.

– Не стоит удивляться, Радимб. Своих ребят я не бросаю.

Радимб натянуто улыбнулся в ответ и произнес:

– Лучше бы вы меня бросили. Те муки, которые я перенес и переношу, не сравнятся со смертью. Это хуже смерти.

У Гиона не было слов. Он стоял и осматривал Радимба. Яфф нашел в хламе подвала два стула и они вскоре сели рядом с койкой больного. Позади раздались шаги – девушка аккуратно спускалась по ступеням, неся холодный сок. Она живо раздала стаканы и удалилась.

– С чем пожаловали? – спросил Радимб.

– Мы пришли, чтобы повидать тебя, – с улыбкой сказал Яфф.

– Яфф, не мог бы ты заткнуться! – ответил человек в кровати на деланную лезть Мутрабузы.

Между Яффом и Радимбом был постоянный конфликт. Яфф всегда пытался угодить Радимбу, взять всю вину на себя, но Радимба это еще больше злило. Гион знал о такой ситуации в его команде, но не придавал этому значения. Это его даже забавляло.

– Радимб, – заговорил Гион, – не посчитай это за цинизм, но ты первый человек, который выжил после встречи с Ордисом.

– Зато какими последствиями, прайлис Гион. – Радимб жалобно посмотрел на прайлиса.

– Но ты же знаешь, что ты тем самым спас себя, свою семью и все, что ты заработал.

– Где Улос?

– Его отпустили. Сегодня вечером он будет в Виж-Дирале.

Радимб сделал глубокий выдох облегчения.

– Я хочу вернуть тебя в дело, – продолжил Гион. – У нас много работы.

– Прайлис Гион, вы знаете, как я вас уважаю, но я вынужден отказаться.

– Ты нам нужен, Радимб, – произнес настойчиво Гион и наклонил тело вперед к койке.

– Я бы с радостью, но я уже не способен быть полезным вам как прежде, – проговорив последние слова, Радимб разрыдался. Он плакал, как маленький мальчик, который получил

ссадину на коленке. Взрослый и сильный мужчина словно был лишен мужества. Он был беспомощен и одинок. Радимб попытался здоровой рукой сдержать слезы, наложив ее на глаза. Гиону и Яффу стало не по себе.

– Все наладится, Радимб! – подбодрил его Яфф.

– Не наладится, – ответил Радимб и левой рукой открыл одеяло.

Что предстало им перед глазами было неожиданно и мерзко одновременно. От правой руки остался обрубок. Все, что было до локтя, отсутствовало. Культя лежала в небольшой ванночке с темно-зеленой жидкостью. Конец ее был черный. Смрадный запах гнилой плоти достиг их обоняния. Сидящие перед Радимбом прикрыли носы руками.

– Что стало с твоей рукой? – спросил Яфф.

– Орудие Ордиса, – гнусаво ответил лежащий. – Оно было чем-то заражено. Эта дрянь пожирает мою руку который день. Куски плоти отпадают, словно мою руку варили несколько суток. Мясо и мышцы не держатся на костях...

– Что это за яд за такой? Что говорят виж-диральские лекари? – Гион не мог поверить увиденному.

– Никто ничего не знает, – с досадой ответил Радимб. – Перепробовали все лекарства и травы.

– И они позволят тебе вот так умереть? – возмутился Гион.

– Нет, конечно, – с тяжестью заговорил Радимб, – завтра мне ампутируют остаток руки, чтобы заражение не перешел на тело.

Гион и Яфф видели, что пострадала не только рука, но и часть торса. На боковой части были видны рывины, которые были покрыты красной кровавой коркой. Но раны были обычные – никаких следов заражения.

У Гиона после увиденного внутри заиграла жалость к Радимбу. Ему казалось, что он погорячился с решением направить его к Ордису. Но тогда он был зол, и не мог справиться со злостью, которая выжигала всю ясность его ума.

– Я могу распорядиться, чтобы тебя переправили к твоей семье, но Ордис может быстро тебя там обнаружить, – сказал Гион и накрыл одеялом изувеченую конечность Радимба.

– Пусть моя семья будет в безопасности. Об этом месте знаете только вы. Не надо их вмешивать во все это. Особенно детей. Не говорите Улосу где я. Он не должен видеть меня в таком состоянии.

– Хорошо, Радимб, – сказал Гион и обратился к Яффу: – Поднимись на верх и скажи девочке, чтобы нашла лучшего врача в Виж-Дирале. Мне нужно, чтобы Радимб был жив и здоров.

– Хорошо, прайлис, – быстро произнес Яфф и поднялся со стула. – Но встанет вопрос о сумме и секретности лечения. Как быть с этим?

– Об этом не беспокойся. Я все улажу. Подготовь девочку к завтрашней операции и заплати ей за труд и молчание.

Яфф согласно мотнул головой и покинул подвал.

– Прайоис Гион, – заговорил Радимб, – Думаете Ордис продолжит охоту на меня? Я знаю, что он искал меня после того случая.

– Возможно, возможно, – не зная что ответить, задумчиво промямлил прайлис.

– Он меня прикончит?

Гион на некоторое время задумался. Вопрос повис в смрадном воздухе.

– Нет, Радимб. Я этого не позволю.

– Но как вы его остановите, прайлис?

– Есть одно средство.

– Какое? – По лицу Радимба прокатилось изумление.

– Я сделаю из тебя героя.

- Что? – Радимб не мог поверить своим ушам. – Но как?
- Об этом не беспокойся.

После этих слов Радимб немного ожил. Теперь он лежал и смотрел в потолок.

- Были ли какие-нибудь новости в мое отсутствие?

Радимб повернулся к Гиону и прайлис увидел взгляд полный сожаления.

- Радимб, – произнес Гион, – Что-то случилось?

– Плохие новости, – эти слова вылетели из густой черной бороды Радимба. – Пару дней назад ко мне приходил один из ребят. Ну тех, которые ходят через Бугу. Так вот, они говорят, что Гайдо больше нет.

- Как нет? – громко сказал Гион, чуть не подпрыгнув со стула.

– Городок сожжен. А все, кто там жил, убиты. Их тела были найдены под пепелищем.

- Кто? – призрачно сказал Гион, отчего желваки проявились на его скулах.

– Ребята никого не видели. Ни следов, ни орудий.

- Думаешь, Ордис нашел Гайдо?

– Ордис все это время был с нашими гостями. Он как верный пес стерег хозяина.

- Если я найду, кто это сделал – придам невиданным пыткам. Я уничтожу всю его семью.

Я опозорю его имя на тысячи поколений вперед.

В подвал спустились Лия и Яфф.

– Мне нужно сменить ванночку больному, – произнесла на ходу девушка. Она подошла к кровати и разложила врачебные принадлежности и бинты.

– Радимб, желаю скорейшего выздоровления, – печально произнес Гион. – Помни – ты нужен мне!

Как только прайлис встал со стула, он почувствовал страх. Стены комнаты давили на него. Ему казалось, что тут мало воздуха. Болезненный желтый свет вызывал неприятные ощущения. Гион быстро поспешил наверх.

- Держись, Радимб, – проговорил Яфф и последовал за прайлисом.

Гион вышел на жару и глубоко вдыхал раскаленный воздух.

- Прайлис, вам не хорошо? – Яфф стоял возле Гиона, придерживая его за локоть.

Перед глазами Гиона мир начал расплываться. Красные круги расходились от всего, куда он смотрел. Очертания зданий плыли, словно кубики льда на жаре. Он нагнулся и смотрел на зеленую траву, пытаясь придти в чувства. Он пытался сфокусировать зрение на чем-нибудь мелком, постепенно подготавливая глаза к нормальной работе. Дурнота начала постепенно отходить, а взгляд начал различать волокна на травяных листьях.

- Прайлис? – позвал его Яфф.

– Видимо надыхался всякого там внизу, – ответил Гион, но он понимал, что не это было реальной причиной.

Известие об уничтожении Гайдо, словно выбило землю из-под его ног. Все, что он готовил для своей праздной старости, было развеяно по ветру серым пеплом. Все люди, которым он дал уверенность в безопасности и сытой жизни, сейчас были мертвы. Такого поворота событий он не ожидал. Судьба подбросила ему новые обстоятельства и новые вызовы. Нужно было узнать, кто это сотворил. Ответ мог знать лишь один человек в Шаккаме – Влазир. Он снова направится к нему на долгий разговор.

И тут ему в голову пришла еще одна мысль, о которой он почему-то даже и подумать не мог. Она словно жалом пронзила и затмила весь его разум. Ягрит.

«А видела ли Ягрит, как он убил Моуласара и скинул его тело в океан? Если Ордис ее найдет, то он обязательно спросит о Садире: остался ли тот в Лимессе или нет?»

Как он раньше не задал себе этот вопрос? Как говорил Влазир, Гион еще совершает много ошибок, чтобы быть действительно великим прайлисом.

Ему нужно будет возвращаться в Ким-Рабану сразу же по завершении всех дел в Виж-Дирале. Яфф уже был в курсе, что прайлис прибыл в город ненадолго.

– Принести чего-нибудь холодного?

– Не стоит, Яфф. Я уже отошел, – выпрямившись сказал Гион.

– Если станет дурно, вы обязательно говорите, – заботливо говорил Яфф. – Будут ли какие-нибудь планы на сегодня, прайлис?

– Да, – все так же тяжело дыша ответил Гион, – Завтра ближе к вечеру, если я успею все сделать, то мы отправляемся в Ким-Рабану. Появилось очень важное дело.

Гион немного помолчал, а затем произнес:

– Пошли чего-нибудь съедим из местного?

– Я знаю отличное местечко недалеко отсюда. Там нет лишних глаз.

Через несколько мгновений они уже растворились в розовых закоулках Виж-Дираля.

2. Лимесса. Лигерхальд

Олвачи находился в одиночной камере. Здание, в котором он коротал свои дни, было расположено недалеко от «Трезубца», почти в центре города. Эта двухуровневая тюрьма была старой постройки и окружена пышными зелеными кустарниками по периметру. После того как он был пойман на месте преступления, его доставили сюда, где за ним ухаживали и обходились как с гостем. Ему предоставили комфортную камеру с большой мягкой кроватью, настольными играми, книгами, небольшим тренажером для ходьбы. В камере имелось даже окно, которое выходило на тихую улочку. Для безопасности Олвачи были созданы все условия, в том числе и несколько приборов наблюдения, которые висели под потолком.

За ним день и ночь наблюдало несколько человек – охранники, которые были приставлены только к нему. На протяжении всех дней они тщательно следили за его поведением. Все эти дни парень практически ничего не ел. При попытке с ним заговорить он отворачивался и молчал или говорил, что не в духе разговаривать. За все дни он не притронулся ни к книгам, ни к играм, ни к тренажеру. Он либо лежал, либо подходил к окну и смотрел на улицу несколько парсов к ряду, а потом возвращался в кровать и засыпал.

Охрана сильно беспокоилась о здоровье парня. Без того худощавое тело стало еще более осунувшимся – кожа да кости.

Когда о происшествии узанал арравант Эйлигер, то был обескуражен. Ситуация была щекотливая. Если он оставит Олвачи в Лимессе и придаст суду, то его дочь Белория тоже останется в Шаккаме. Если он отпустит парня в Шаккам, то вернется и Белория. Но как ж быть с убийством? Принять его за недоразумение или оплошность было не мыслимо. Лифион прекрасно справился с убийством – успел замести следы так, что никто в парке ничего не заметил и преступление не предалось огласке. Хотя на следующее утро в трезубец поступило заявление о пропаже девушки.

Когда эта весть дошла до хошира Липтира, то он был вне себя. На следующий день после убийства он явился в камеру к Олвачи и долго с ним беседовал. Разговор был похож на проповедь Липтира, так как Олвачи ничего не отвечал. Хошир говорил, что действия парня поставили под удар все отношения и усилия, которые были для них приложены самим правителем Шаккама. Далее речь зашла о поведении и добродетелях, которых должен придерживаться сын моуласара Садира Руйзуфа. На протяжении всей встречи, в словах Липтира сквозила горечь за содеянное, как-будто он сам вместо Олвачи перегрыз горло бедной девушке.

После встречи с Олвачи, вернувшись домой, Липтир написал письмо в Шаккам Садиру, где очень осторожно описал случившееся с его сыном и попросил моуласара вернуться в Лимессу для устранения сложного дипломатического момента. Как только письмо было отправлено, хошир Шаккама поспешил к Маадалю рассказать о новости и просить его совета. Уже вечером того же дня Липтир был в покоях парня в поисках чего-нибудь подозрительного. Он копался в его личных вещах, пытаясь найти зацепку, которая приведет к мотивам парня, но все впустую. Все было чисто: ни волос, ни капель крови – ничего.

В то утро небеса над Лигерхальдом были полны дождевых туч, но ни одной капли еще не упало на город. По городу гулял легкий теплый ветерок. Первый день хода Чиевы выдался хмурым, но его скрасили миллионы цветов, которые расцвели по всему городу, окрашивая его живыми и нежными красками.

Молодой мужчина подходил к зданию тюрьмы. Его форма была очень кстати хмурому утру – такая же темно-серая, как и затянутое небо. Зайдя на крыльцо, он остановился и оглядел улицу. Зелень была живительна для города, и на нее можно было смотреть без конца. Пение птиц слышалось повсюду. Их сладкие голоса звучали словно живительный мифический ручей, в котором герой черпали свои силы.

Когда он зашел внутрь, в его кабинет, его встретили черно-белые экраны, показывающие комнату парня, запах фригга и Груйер – его напарник с черными усами и большим как бочонок пузом.

Груйер пришел, как и всегда, раньше его, сменив ночную смену.

– Ридес, вижу ты не спешишь на работу, – после этих слов мужчина рассмеялся.

Ридес, как обычно, остался в неловком положении.

– Ладно, – продолжал Груйер, – расслабься. Сегодня хороший денек для работы: пасмурно и, возможно, будет дождь.

– На улице в ход Чиевы любая погода прекрасна. Куча зелени, сладкий воздух, тепло, почти как в Шаккаме, – произнес Ридес и подошел к чайнику с горячим фриггом.

– Пока шел на работу, отовсюду слышал разговоры о приезде Садира и его свиты в Лимессу.

– И что люди говорят?

– Да, всякое, – нехотя сказал Груйер и махнул рукой. – По мне, так лучше бы они вообще не приезжали.

– Почему это? – спросил Ридес, наливая горячий напиток в кружку.

– Не знаю, – произнес мужчина и поджал нижнюю губу в смущенном жесте. – Как и много индиктов назад от чужеземцев не было пользы вот и теперь, – Груйер взял пухлой рукой кружку со стола и сделал несколько глотков. – Вот, посмотри на этого! – Бруер засмеялся и кивнул на экран, в котором Олвачи стоял и смотрел в окно.

– Я надеюсь, ты никому не говорил о том, что у нас тут сын моуласара Садира? – Ридес подошел к столу и сел в кресло рядом с Бруером.

– Да как ты мог такое подумать обо мне? – с возмущением пробубнил напарник. – Я что, какой-нибудь торговец? Или уличный пройдоха?

– Нет, конечно! – парировал Ридес. – Просто хочу напомнить, что если кто-то проболтается, то мы быстро составим ему компанию, – Ридес указал пальцем на экран с изображением стоящего Олвачи, – до конца своих дней.

– Ты же знаешь, что я точно не выдам секреты. Никогда! – последнее слово было сказано с явной напыщенностью. – Я за себя уверен, уж поверь! А вот ты... – Груйер заговорил обвиняющим тоном и ткнул пальцем в плечо Ридеса.

– Я то точно не смогу выдать.

– Почему это?

– Потому что я обучался по новым технологиям, которые на порядок выше...

– Да что ты знаешь о старой школе? – из усов Груйера слова вылетали уже с большим возмущением и шумом, а брови при этом собрались в причудливую гримасу, как бы подыгрывая его взвинченному тону.

– Нам много рассказывали об ошибках, которые породила подготовка в старой школе.

– Да ничего ты не знаешь! – взревел Груйер и вскочил с кресла. – Именно наша школа подготовила вас...

В дверь постучали. Ругань Груйера оборвалась. Оба охранника переглянулись.

– К нам кто-то должен прийти сегодня?

Ридес в ответ пожал плечами и произнес:

– Что-то не припомню, чтобы кто-то говорил нам о визитерах.

Груйер быстрыми шагами прошел к двери. После повторного стука он открыл дверь. Груйер всегда открывал только после второго стука. Это было вроде его собственного суеверия, в которое вера с каждым гостем только возрастала.

На пороге оказалась молодая женщина приятной внешности и в строгой форме Агентства безопасности. Она была не просто красива, а божественна. Большие голубые глаза на пре-

красном лице, прямые русые волосы, спадающие до плеч и тонкое украшение на шее говорили мужчинам о том, что сегодня их рабочая смена была самая лучшая в индикте.

– А кто из вас Груйер? – спросила женщина, обнажив свой нежный голос.

– Э..э..это я, – вырываясь из ее чар, произнес Груйер.

Женщина была наголову выше охранника и смотрела на него, как на маленького мальчика. В ее изящных руках был небольшой кейс с изысканной выделкой.

– Меня зовут Миликас, – произнесла девушка своим прекрасным голосом. – Вам обо мне не говорили?

После ее вопроса Груйер был в замешательстве.

– Да, мне говорили... – тягуче и не уверенно говорил Груйер. – Но мне говорили, что придет агент...

– А я не агент? – с улыбкой спросила девушка.

– Конечно, как я мог подумать... – со смехом проговорил Груйер. – Входите, конечно.

Войдя, она осмотрела кабинет. Когда ее прекрасный взгляд упал Ридеса, парень отвел глаза на приборную панель перед ним, чтобы не растаять перед ней, как прирученное животное.

– Может, фригга? – закрыв дверь, проявил гостеприимство Груйер.

– Нет, благодарю вас, – тактично ответила Миликас и подошла ближе к Ридесу.

– Ну, тогда присаживайтесь, прошу вас! – Груйер подошел к девушке и подкатил к ней кресло.

Миликас в очередной раз отказалась.

– Я бы хотела перейти сразу к делу. Меня направили провести допрос Олвачи Руйзуфа.

– А вот как раз и он, – произнес Ридес и увеличил картинку на одном из экранов.

– Буйный? – спросила Миликас.

– Хех, – взвизгнул Груйер. – От него все эти дни – ни звука. Он практически ничего не делает, кроме как стоит у окна, как сейчас, или лежит в кровати. Несколько дней назад приходил их хошир в своих одеждах. Такой ряженный весь... У него еще имя такое смешное... Но даже с ним парень не стал говорить, как тот ни распинался.

– Понятно, – бесцветно ответила Миликас.

– Он практически ничего не ест. Иногда только немного мяса и воды. Ни фригга, ни овощей, ни салатов... – произнес Ридес.

– Видимо, он не любит нашу кухню, – живо добавил Груйер. – Наверное, может с желудком что не ладное, – слова вылетали из усов Груйера с большой скоростью. – А вам надолго к нему?

– На парс или полтора. А могу я взять с собой в камеру мой кейс? – Она обратилась к Ридесу, но тот не успел ответить – Груйер был тут как тут.

– Можно. Если, конечно, в нем нет ничего запрещенного.

– Тут бумаги и записывающее устройство.

Ридес смотрел на Груйера гневным взглядом.

– Тогда, все в порядке. У меня нет претензий. И у Ридеса тоже.

Миликас перевела взгляд на Ридеса. Тот лишь согласно мотнул головой.

– А вы не боитесь, что она может напасть на вас? Ведь он уже убийца.

– Не боюсь, – ответила девушка. – У меня есть чем за себя постоять.

– Тогда, я за вас полностью спокоен, – усы мужчины немного вздыбились над белоснежной улыбкой.

– Ну, тогда я пойду?

– Я с радостью вас провожу, Миликас, – Груйер улыбнулся ей и открыл дверь в коридор с одиночными камерами.

Ридес видел на экранах, как они шли по коридору, и как Груйер завел девушку в камеру к Олвачи. Заключение не обратил ни малейшего внимания на вошедших в его одиночную комнату. Миликас села за стол и стала раскладывать бумаги, позже подготовила к работе записывающее устройство. Груйер удалился.

Когда усатый напарник вошел обратно в кабинет, он сразу же произнес:

– Вот это женщина, Ридес! Чистейшая красота!

– Угу, – недружелюбно отозвался Ридес.

– Ты чего? Она тебе не понравилась? Ты с ней даже не разговаривал! – тонко подметил напарник.

– Да ты мне даже слова не дал сказать, – вспылил Ридес. – Строил из себя тут прилежного парня...

– Да ты на себя посмотри! Ты же с настоящими женщинами отродясь не разговаривал.

– Да ты просто эгоистичный...

– Подожди! – произнес Груйер и посмотрел на экран. – Включи звук. Посмотрим, разговаривает она его или нет.

Ридес послушался. Голос Миликас залил кабинет:

– Олвачи, можно я буду называть вас так?

Ракурс картинки показывала макушку Миликас, сидящей за столом в правой части экрана и парня в полный рост, который до сих пор стоял и пялился в окно.

После ее слов парень встрепенулся, как-будто после дремы, и осмотрел комнату. Увидев сидящую Миликас, он отошел от окна и сел на кровать напротив нее.

– Кто вы? – спросил Олвачи.

– Я еще раз представлюсь, – произнесла девушка. – Мое имя Миликас. Я пришла с вами поговорить.

– О чем? – тон Олвачи был сух и грубоват.

– О том случае в парке.

– Что вы хотели бы узнать?

Груйер толкнул Ридеса рукой и произнес:

– Она любого разговаривает.

На экране девушка взяла листок бумаги со стола быстро его просмотрела.

– В отчете написано, что вы убили девушку. Вы перегрызли ей горло. Что же побудило вас к этому?

– Мне захотелось... – еле слышно произнес парень.

– Что захотелось?

– Мне захотелось попробовать ее...

– То есть вы хотели ее изнасиловать?

– Нет... Просто она была теплая...

Олвачи смотрел на нее пустым взглядом. Приборы наблюдения показывали его лицо, на котором отсутствовали эмоции – безмятежность и холод воплотились на истощенном лице парня.

– Хорошо, – Миликас поняла, что так от него ничего не добьется и сменила тактику. – Расскажите, что вы делали перед убийством?

Олвачи стянул тапочки и залез с ногами на кровать, поджав их под себя.

– Я весь день лежал и лишь изредка выходил на балкон подышать воздухом. Он тут совсем другой. Он без ароматов...

– А в Шаккаме вы тоже так проводите время?

– Как?

– Ничего не делаете?

– В Шаккаме все по-другому, – задумчиво произнес парень. – У меня там много дел. Я каждый день занят с утра и до вечера.

– Но тут вы могли бы гулять по саду перед домом. Тем более два хошира были вместе с вами. Они могли бы быть неплохими собеседниками.

– Меня не интересует религия и политика, – отрезал парень.

– А что вас интересует? – допытывалась Миликас.

– Океан. – Олвачи перевел взгляд с девушки на окно.

– То есть вам нравится путешествовать?

– Нет, я проектирую корабли. А тут я просто жертва традиций.

Все время беседы Мликас помечала что-то на листе бумаги. Возможно, какие-нибудь логические связи или неосторожные слова Олвачи, которые могли бы стать зацепкой. Груйер и Ридес все это время сидели и слушали, как она работает.

Сделав паузу, Миликас карандашом проскользила по бумаге к какой-то записи, которую она сделала вначале беседы и которую было не видно с камер наблюдения.

Она сделала короткие пометки карандашом и продолжила:

– Вначале вы сказали, что убили девушку, потому что она была теплая. Что значит теплая? – допытывалась Миликас.

Олвачи смотрел куда-то в пол.

– Она... она была носитель настоящего, понимаете? Она меня начала манить еще тогда, когда я был в своих покоях.

– Не совсем понимаю, – ответила девушка в форме и тут же задала новый вопрос: – А я носитель?

Тут Олвачи резко вскинул голову и посмотрел на нее невидящим взглядом, будто что-то высматривая в ее глазах.

– И вы тоже. Но только вы немного иная, чем она.

Миликас ничего не понимала, а следящие за ней из кабинета мужчины вообще потеряли нить разговора.

– А чем я иная?

Олвачи не сводил с нее взгляда.

– Вы иная потому что... потому что... – он как-будто бы подбирал слова. – Потому что у вас иная кровь.

– И как вы это поняли? – с изумлением спросила Миликас.

– От тебя пахнет совсем иначе...

– Значит, – заключила девушка, – вы можете и на меня напасть?

Вопрос был очень смелым. Груйер, услышав это, закусил нижнюю губу, а лицо Ридеса залилось красным. Между охранниками повисла немая пауза полная щемящей тревоги. Каждый понимал, что нужно что-то делать, но ничего не делал.

Миликас сидела в ожидании ответа.

– Могу, – ответил парень через некоторое время. – Но не сейчас...

Миликас насторожилась и не сводила с него глаз. Она сжала карандаш так, что готова была либо напасть наго, либо отразить внезапный удар. В ней видалась высокая профессиональная подготовка.

– А когда настанет то время? – Она своими вопросами пыталась найти суть его желаний, которые вынудили его убить девушку.

В ответ парень стал глубоко и часто дышать через нос, словно ему не хватало воздуха.

– Вам не хорошо? – спросила Миликас.

Ридес и Груйер переглянулись. Они видели такое впервые, чтобы Олвачи вел себя необъяснимо странно.

Парень не отвечал. Он продолжал глубоко дышать и зачарованно смотреть на девушку.

Миликас вновь спросила Олвачи:

– Вам не хорошо?

Тело Олвачи стала бить мелкая дрожь, словно в город дошла волна землетрясения из Даргалиона. Руки и ноги, казалось, не подчинялись своему хозяину. Затем голова Олвачи резко опрокинулась в бок и упала на левое плечо, и вывернулась так, как-будто кто-то сломал ему шею. Рот был широко открыт. Глаза смотрели куда-то на стену.

Миликас резко встала со стула и, вынув из пиджака парализующее устройство, направила его на Олвачи. Она понимала, что лучше его не использовать – он все-таки сын Садира Руйзуфа.

Миликас позвала Груйера и Ридеса на помощь:

– Ребята, мне нужна ваша помощь, – крикнула она и постучала свободной рукой в железную дверь комнаты.

Увидев это, Груйер бросился с места к двери. Затем он быстро остановился и сказал Ридесу:

– Зови лекарей и еще наших ребят, – после этих слов Груйер бросился бежать по коридору.

Ридес видел, как плотное тело его напарника неуклюже бежит к заветной комнате, одновременно вызывая подкрепление к ним в кабинет. Ридес перевел взгляд на монитор с комнатой Олвачи – Миликас все так же стояла наготове.

В камеру влетел запыхавшийся Груйер и встал перед Миликас, закрывая ее от возможного выпада со стороны безумного Олвачи. Тело парня, сидящего на кровати, трясло еще сильнее. Его голова начала тихо биться о бетонную стену.

Груйер медленно подходил к кровати, доставая парализующее устройство из кобуры на ремне и переводя его в боевое состояние.

– Олвачи Руйзуф! – зачем-то крикнул Груйер в надежде вывести парня из оцепенения. Миликас спиной постепенно отходила к своим бумагам и открытому кейсу, оставленным на столе.

Изо рта Олвачи начала обильно выходить темно-красная пена. Она спадала на его плечо и скользила дальше вниз по руке.

– Олвачи! – еще раз выкрикнул Груйер.

Ответа не было.

Груйер начал тянуться устройством к трясущейся ноге парня. Как знал Ридес, когда устройство срабатывает, человек теряет сознание и тогда можно с ним сделать все что угодно.

Рука Груйера была рядом с ногой парня. Миликас уже стояла у стола и смотрела на все это безумие.

Груйер дотронулся до парня и дал разряд. Но ничего не произошло – Олвачи все так же трясся. Груйер дал еще один разряд.

Ничего.

Удивленное усатое лицо повернулось к Миликас. И в этот момент произошел мощный хлопок, который разнесся эхом по коридорам. Ридес зажмурил глаза и вздрогнул одновременно. Как только он открыл глаза, то на экране увидел большую черную точку, которая стекала вниз. Это была кровь. Но чья? На экране возле подтека было множество мелких точек. Ридес догадался, что это была тоже кровь. Он не совсем понимал, что происходит. Затем послышались какие-то короткие звуки, словно железные шары падали на пол.

Ридес перевел взгляд со стекающей крови на пространство комнаты. Ни Груйера, ни Миликас не было видно. Лишь зеленый едкого цвета плотный туман заполнил комнату. Ридес, не дождавшись подмоги, побежал в одиночную комнату к Олвачи.

3. Лимесса. Эйзулур

Жоггар спешил за город, пока все жители Эйзулура были на утренней молитве. Он до сих пор не мог забыть встречу со Стэкой Тайпано. Женщиной, которая не только ответила на его вопросы, но и задала много новых. Мысли кишили в его голове. Вплывали самые сумасшедшие ответы, от которых он сам пугался.

В это хмурое утро в городе было все как всегда. Люди были на молитве, а на побережье уже активно шла работа по загрузке торговых корфов, которые стояли рядами и ожидали своей очереди. Были слышны крики чаек, теряющиеся в плотной городской застройке Эйзулура. В воздухе витали запахи рыбы, соленой океанской воды и фригга. Жоггар пробирался по окраинам среди складов и факторий, которые еще не начали работу.

«Кто же меня травит? – думал Жоггар, – Фудо? Маададь? Или Гро, непонятно как пробравшийся в Энндуару?»

Улочки в этом районе города сейчас были пусты. Грунтовая дорога вела его на небольшой холм, с которого был вид на речную долину. Жоггар взглянул на свои сапоги – на них уже осел тонкий слой дорожной пыли. Он выругался.

«И угораздило же Фудо сюда меня позвать», – мысленно возмутился палач.

Улица уже закончилась и Жоггар начал карабкаться на холм. Как только он него взобрался, то увидел Фудо, стоящего к нему спиной. Он был одет по-праздничному, что приятно удивило Жоггара. Балая сорочка, вязаная шерстяная жилетка, строгие брюки – говорили лишь о том, что для Фудо событие действительно важное.

– Фудо, – позвал его Жоггар.

Ключник обернулся и с широкой улыбкой встретил его.

– Жоггар я ждал только тебя.

– А что... за праздник? – спросил палач, запинаясь из-за отдышки.

– Сейчас все увидишь, Жоггар. Этого я ждал очень долго индиктов. И вот, наконец-то!

Радость Фудо была искренней. Ни ноток фальши или насмешки. Он был действительно рад. Фудо провел Жоггара к краю холма. Откуда открывался изумительный вид на долину, изрезанную реками. По рекам вдали ходили небольшие торговые суда и рыбацкие лодочки. Ярко зеленая тава речной долины при затянутом небе оставалась яркой, как при солнце.

Внимание Жоггара привлекло яркое оранжевое пятно у подножия холма. Группа людей стояла на берегу возле маленького пирса. К только к пирсу подошел небольшой кораблик, они все начали в него залезать, один за одним.

– Кто это? – поинтересовался Жоггар.

– Это болано Энндуары, – ответил Фудо, наслаждаясь видами долины.

– Болано? – Не понимал палач. – Но они все сейчас в Энндуаре. У них утреннее служение.

Или я чего-то не понимаю?

– Это другие болано, – спокойно произнес Фудо. – Они должны будут заменить существующих.

– Но... Я не понимаю. А как же Маададь?

– Хошир Маададь уже вне игр, Жоггар.

Это было так, словно ему дали под дых. Дыхание остановилось. Лишь сильные удары сердца ощущались всем телом. Казалось все остановилось перед глазами Жоггара. Затем мир вернулся в прежний ритм.

– Неужели Маададь мертв? – тяжело выдохнув, спросил Жоггар.

– Как тебе сказать, Жоггар, – задумчиво произнес Фудо. – Я думаю, что он не вернется из Лигерхльда.

У Жоггара в голове опять возникло множество вопросов касаясь не только Маадаля, но и будущего Энндуары. Значит, грядут большие перемены.

– Но, кто же будет вместо Маадаля?

– Ты, Жоггар Тушор, – после сказанных слов, Фудо посмотрел на палача.

Жоггар оторопел. Он не понимал, что происходит. Казалось, весь мир перевернулся с ног на голову. А пока мир переворачивался, он, Жоггар Тушор, стоял к нему спиной. Но Стэка Тайпано сумела его подготовить к этому. Помогла немного убрать пелены с глаз, которые не видели, что на самом деле происходит.

– Как я? – Жоггар сопроводил свой вопрос язвительным смехом, который из под маски звучал как-то устрашающе.

– Маадаль больше не вернется в Эйзулур. Совет Десяти будет выбирать нового хошира. Я предложил твою кандидатуру.

– Но я даже не думал об этом, – оправдывался Жоггар.

– Вот и подумай. У тебя будет время, – мягким тоном произнес Фудо и посмотрел вниз на судно, которое принимало болано.

Порыв ветра начал трепать черные кудри Жоггара. Небо становилось все темнее. Вероятность дождя была велика. Жоггар обернулся и увидел тяжелые тучи, надвигавшиеся со стороны океана. Затем он повернулся к обрыву и устремил свой взгляд на судно внизу.

– Куда они направляются? – поинтересовался Жоггар.

– В Лигерхальд. У них ообое задание.

– Какое?

– Они будут спасать Лигерхальд и его жителей.

Жоггар ничего не понимал.

– А как же ты Фудо?

– А что я? Я останусь ключником, – ответил ключник. – У меня очень много дел. А ты останешься палачом.

Загадка внутри загадки. Простой ум Жоггара был в замешательстве. Внешне все казалось привычно и просто, но что под этим скрывалось несло в себе более глубокий смысл.

– Но почему ты не хочешь стать хоширом? – Жоггару не терпелось добраться до правды.

– Ты же видел, что всем управлял я, а не Маадаль. Истинная власть должна быть всегда в тени. Истинная власть не должна решать мелкие вопросы и разговаривать со всеми, кому нужна помощь. Истинная власть меняет города, страны, народы, но никто из простых людей не в сил понять как и кто это делает.

– А что со мной будет, если я стану хоширом? – осторожно спросил Жоггар.

Фудо взглянул на белую маску Жоггара с улыбкой.

– Ты обеспечишь безбедную старость себе и своим детям...

– Какая женщина хочет быть со мной? Посмотри на мое лицо, – прервал Жоггар ключника, улечив своего его в издевке.

– Ты получишь новое лицо, Жоггар, – Фудо взял его за плечи. – И еще ты сможешь наказать всех, кто является врагом твоей семьи. Вот такая вот выгода.

В голове у Жоггара сразу всплыл Гро: его лицо с мерзкой улыбочкой, которое он хотел растоптать и навсегда стереть из памяти. Хотя на смену этому пришла и другая мысль:

«А что если Фудо его травит?»

Если он его травит, значит он знает, что можно манипулировать новым лицом. Неужели это Фудо? И тут Жоггар набрался смелости и снял маску перед Фудо впервые.

Обезображенное лицо появилось перед ключником в своем отвращении и одиночестве. Изрытое прогнившими впадинами и гнойными буграми кожа лица было действительно неожиданным событием этого утра для ключника. По лицу Фудо было видно, что он удивлен. Его удивление переходило в растерянность.

– Видишь мое лицо? – спросил Жоггар.

Фудо смотрел на него широко открытыми глазами и на вопрос Жоггара он утвердительно кивнул.

– Недавно, – продолжал палач, – я был у Стэки Тайпано.

– Я у нее тоже бываю, – вставил Фудо.

– Так вот, она сказала, что мое лицо – это результат ядов. Кто-то травит меня все то время.

– Ты же не думаешь, что это моих рук дело? – Фудо был явно оскорблен.

– Я не думаю, что это ты. Но мне нужно узнать, кто это делает и зачем?

– Но ты же говорил, что у тебя ужасная болезнь, которая искалечила все твое лицо.

– Да, я так думал, – ответил Жоггар. – Но это оказалось не так.

– С кем ты еще контактируешь в Энндуаре?

– Много с кем. И что мне каждого подозревать?

– Ну я думаю, что необходимо проверить всех, кто готовит еду. Я распоряжусь, чтобы в столовую приставили моего человека.

– Спасибо, Фудо.

– Не за что, Жоггар. Ты действительно самый честный и надежный из всех, кого я знаю в Энндуаре. Ты просто делаешь свое дело. Сколько раз ты меня выручал! Я помогу тебе, но ты должен мне сказать свое решение по поводу места хошира.

Фудо окинул взглядом долину и предельно серьезным тоном задал вопрос:

– Что ты знаешь о Ягрит?

– Ягрит? – Не понимаясь отозвался Жоггар. – Что с ней?

– Она исчезла, – грустно произнес Фудо. – Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Нет, – ответил палач, – но могу поискать, если надо.

– Я просто не знаю, что такого могло произойти, чтобы она исчезла.

– Ты знаешь, – задумчиво произнес Жоггар, – как только уехал Маадаля, кто-то надругался над его птичником. Меня вызвала Ягрит и я пришел посмотреть. Но никакой зацепки не было. Просто пташки со скрученными головами.

– Птичник Маадаля? – На лице Фудо появилась улыбка. – Мда, я думаю ему лучше не знать, что случилось с его птичками.

Фудо немного помолчал и произнес:

– Как думаешь, ее похитили или она сбежала?

– Нет никаких догадок, – произнес Жоггар и развел руками. – Я постараюсь выяснить.

У меня есть у кого спросить.

– Благодарю тебя, Фудо.

Вдруг Фудо поднял указательный палец вверх и произнес:

– Чуть не забыл.

Он сделал несколько шагов в сторону от Жоггара и из травы достал бутылку и два бокала.

– Что сегодня за праздник? – спросил палач. – Неужели какой-нибудь очередной ритуал в Энндуаре?

– Можно и так сказать, – ответил с улыбкой Фудо. – Ты знаешь, Жоггар, иногда за большими событиями скрываются не менее большие скрытные действия, которые влекут колоссальные изменения. Проще говоря, когда одни смотрят на представления, другие перестраивают место представления таким образом, что зрители даже не замечают.

Обезображенное лицо Жоггара попыталось сделать вопросительную гримасу, но бугры и болячки не позволили этого. Палач почувствовал, что одна из его ран вновь открылась, и сейчас капля крови или гноя скользила по его изъеденному ядом лицу.

– Ты говоришь загадками, Фудо.

Фудо в это время наливал ароматный напиток в бокалы. Когда ключник подготовил все для того, чтобы произнести торжественную речь, с неба начали падать редкие мелкие капли дождя.

– Сейчас все станет понятно. Ну, – торжественно произнес Фудо и поднял бокал, – за великое будущее!

Ветер унес звон бокалов куда-то в речную долину. Они разом осушили бокалы. Жар растекался по гортани Жоггара и приятным теплом пробрался в желудок. Затем жаром обдало лицо.

Из внутреннего кармана желетки Фудо достал прибор – маленькую коробочку – который помещался в руку.

– Сейчас, Жоггар, я покажу тебе свое детище, на которое я потратил более десяти индиктов. Это моя гордость, это моя жизнь, – после этих слов он нажал кнопку.

Холм, на котором они стояли, задрожал. Механические металлические звуки послышались откуда-то из глубины земли. Жоггар подошел к самому краю холма и посмотрел вниз. Тоже самое сейчас делал и Фудо.

Внизу происходило что-то невообразимое. Земля под ними задрожала, начала медленно вздыматься и большими комками скатываться вниз. Металлический рокот стал более громким и лязгающим, несмотря на сильный ветер. Из-под опадающих комков земли пробилась тонкая нить воды, которая была откуда-то из глубины холма. Она была очень далеко и пропадала где-то в высокой траве. Затем появилась еще одна. Затем еще. После нескольких мгновений из холма вырывался чудовищной силы поток воды, который был готов снести все на своем пути. Вода начала быстро разливаться по долине, скрывая собой траву и мелкие кустарники. Через некоторое время напор воды спал и стал плавно разливаться по долине. Металлический рокот резко оборвался.

– Ты хочешь затопить долину? – с удивлением спросил Жоггар.

Фудо рассмеялся в ответ и отрицательно покачал головой.

Вода пересатала вытекать из холма и ее уровень в долине начала медленно оседать. Ветер немного утих, но сменился мелким дождем.

– Но я тогда не могу понять, – возмутился палач, – что мы празднуем?

– Жоггар, ты очень не терпелив, – подметил Фудо и наполнил бокалы еще раз. – Нужно научиться ждать. Время за ожидание преподносит изумительные дары. А иногда даже больше, чем ожидал. Давай! – произнес Фудо и поднял бокал.

Они осушили бокалы второй раз.

Алкоголь уже растекался мягче. В голову Жоггару ударила легкая слабость. Мелкий дождь стал более незаметным. В руки пришло приятное тепло. Раскованность была так кстати. Капли падали на его лицо, а не на маску, и это было таким блаженным естественным ощущением, хотя капли болезненно ударялись. Оно переносило его в детство, когда он был беззаботным и не носил эту безликую маску. Он вспомнил как он купался в теплой реке, обмазывал лицо грязью, что напугать девчонок и сестер, которые водили его на реку. Но сейчас его лицо было не только безобразным, но и больным. Жоггар иногда со стоном надевал маску, когда кожа воспалялась. Притронуться к нему было невыносимо – пальцы казались такими горячими, обжигающими. Он не мог умыться, посмеяться или зевнуть.

Он думал, что его лицо – его наказание, пока он не сходил ко всезнающей Тайпано.

– Жоггар, прошу тебя, – Фудо с гордостью указал вниз на залитую водой долину. – Вот для чего я тебя пригласил.

Внизу было спокойно.

Вдруг из холма, откуда была вода, показалась фигура в какой-то темной одежде с налысо выбритой головой. Она медленно шла по залитой долине прочь от Эйзулура. Вода доходила ей

до колен. Шаги были напористы и четки. Фигура быстро удалялась от холма, а затем перешла на бег.

Жоггар взглянул на Фудо. Тот стоял и смотрел вслед убегающей фигуре. Палач однозначно ничего не понимал.

– Что это за человек? – спросил Жоггар.

– Это не человек, – ответил Фудо с довольным лицом. – Это кэйсэй.

Внизу показались еще пять человек. Они ничем не отличались от первого. Сначала они шли неуверенно, а потом тоже перешли на бег. Затем из дыры в холме побежали люди нескончаемым потоком. Они заполнили всю долину и черным роем направлялись прочь от города.

Жоггар не мог поверить своим глазам.

– А куда они идут?

– В Лигерхальд. Завтра этот город падет на колени.

«Вот, о чем говорила Стэка. Лигерхальд падет», – пронеслось в голове у палача.

За спинами Жоггара и Фудо раздались смешанные с дождем и ветром звуки труб, которые завершали утреннюю молитву.

4. Лимесса. Лигерхальд

Утро дождило.

Это было раннее утро, когда ночь только-только начала сдаваться. До появления Газаллакса было еще довольно долго. Маададь не спал всю ночь. После вчерашних событий у него было скверное предчувствие. Его беспокоило то, что все было непонятно. Было много противоречивых новостей. Кто-то говорил, что какая-то болезнь охватила центр Лигерхальда, кто-то говорил, что был слышен громкий хлопок, после которого пошла паника. Когда Липтир и Маададь вчера встретили горничных, то они сказали, что весь центр города отцеплен. Маршруты в молистиновых трубах закрыты. Больницы переполнены и введены в сложный режим работы.

– Самое главное, чтобы Олвчи был жив, – проговорил Липтир. – Возможно, он будущий моуласар. Если что-то с ним случится, то все, что делал Садир, канет в никуда.

Также они спросили и у охраны здания насчет этого случая. Один из ребят ответил, что часть охраны отправили в центр города, для охраны жилых районов и предотвращения паники. Всем ребятам, кого вызвали в центр, давали двойное жалование.

– Очень странно, – заключил Маададь.

После обеда хошир Энндуары отправил гонца к арраванту Эйлигеру за разъяснениями. Но до сих пор вестей не него было. Все было неясно и завуалированно. Никто из трезубца не пришел к ним за весь день и не сказал, что случилось. Может им, как двум важным персонам, необходима эвакуация из Лигерхальда? Возможно, существует угроза их жизни.

Так же его волновал и Эйзулур. От Ягрит не было сообщений. Ни одного. Сначала он подумал, что письма не доходят, но когда на его письмо ответил Фудо, все опасения в миг испарились. В письмах к Фудо Маададь спрашивал: все ли хорошо с Ягрит, почему она не отвечала на его письма? В ответном письме Фудо написал, что Ягрит он давно не видел, но в ближайшее время он узнает, где она и что делает.

На Фудо можно было положиться. Он был надежен как металлический прут, которым можно избивать людей. Почему-то именно такое сравнение таилось в голове у Маадаля. Однако он понимал, что Фудо ведет свою политику, которая не мешает целям Энндуары и его собственным, но скоро нужно будет дать понять Фудо, куда он не должен лезть.

Маададь встал с кровати и подошел к просторному окну, которое выходило прямо к верхушке мощного развесистого дерева, которое закрывало собой весь вид. Однако край окна обозревал дорожку, которая вела к центральному входу. Он всматривался в холодные небеса и падающие капли дождя, которые колыхали светло-зеленые листья. Все было пропитано северными пасмурными красками.

Он открыл окно и впустил в покои прохладный и влажный воздух, который начал избавлять его от оставшейся сонливости.

Неожиданно в дверь постучали. Маададь вздрогнул.

– Маададь, вы спите? – послышался шепот из-за двери.

Это был Липтир.

Маададь в спешке пересек комнату и открыл дверь. Липтир стоял перед ним в ночном халате.

– Что случилось, Липтир? – спросил Маададь.

– Можно войти?

– Конечно. – Маададь впустил Липтира в свои покои. Липтир нервной походкой подошел к креслу и уселся в него.

– Что случилось? – снова спросил Маададь.

– Есть что-нибудь горячительное?

Маададь, не говоря ни слова, достал из шкафа початую бутылку и два стакана.

– А в такое время не рано? – спросил Маададь.

Липтир был вне себя. Его глаза метались из угла в угол.

– Нет, – тяжело дыша ответил Липтир. – В самый раз.

Маададь поспешно наполнил бокалы и они вместе выпили. Жгучая маслянистая жидкость обдала горло жаром.

– Ну, что случилось? – еще раз задал вопрос Маададь.

– Олвачи... Он погиб.

– Что? – Маададь подставил свободное кресло и сел в него.

– По крайней мере, так говорят. Но, Маададь, ты представляешь, что будет после все этого. Все, что делал Садир, канет в неизвестность. Это будет большой провал, которого не видывал род Руйзуф, да, я думаю, и Эйлигер тоже...

– Но это всего лишь слухи, Липтир, – попытался успокоить его Маададь. – Официальная информация должна нам быть представлена из трезубца.

– Из центра вывозят горы трупов. Весь центр оцеплен. Молистиновые трубы не работают, – выпалил Липтир и остановился, чтобы перевести дыхание. – А если самый плохой вариант? Если слухи окажутся правдой? – После его слов Маададь наполнил бокалы снова, и взяв свой бокал, подошел к окну.

Холодные сумерки висели не только на улице, но и в его покоях. Липтир сидел лицом к окну и потягивал спиртное.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Маададь, выдержав долгую паузу.

– Плохие у меня предчувствия. Садир не из робкого десятка. Я боюсь, что может случиться самое страшное – война.

Повисла тишина.

– Если что-то случилось с его сыном, то дочь арраванта ждет очень страшная смерть в Шаккаме. А если это произойдет, или уже произошло, то придут и за нами, Маададь. – После его слов раздался стук в дверь. Оба вздрогнули.

– Кто там? – спросил Маададь.

– Вам почта, – послышалось из-за двери.

Маададь уверенным шагом прошел к двери. На пороге стоял парень в форме агентства и держал в руке письма.

– Благодарю, можете идти, – произнес Маададь, приняв письма, и закрыл дверь на замок.

Хошир Энндуары осмотрел письма. Первое было с печатью Эйзулура. Маададь быстро одной рукой вскрыл конверт. Это было послание от Фудо. В нем говорилось, что Ягрит бесследно исчезла и никто не знает где она – ни одной зацепки. Фудо начал ее поиски. Также в письме хошир прочел, что его птичник был уничтожен. Все до единой пташки были варварски убиты. Фуд начал расследование.

Новости из дома были мрачнее, чем сумерки, которые были сейчас в комнате. Была только тишина и шелест бумаги письма.

– Что-то не так? – Спросил Липтир, не поворачивая своей седой головы.

– Скверные новости в скверное время, – произнес Маададь.

– Из Эйзулура?

– Да. Ягрит исчезла. Моя жена пропала, – с грустью в голосе произнес Маад.

Липтир ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул.

Маададь вскрыл следующее письмо с печатью Лимессы.

– Вот это может быть интересным, – пробубнил хошир Энндуары, пробегая галазами письмо. – Я сейчас зачитаю.

В этот момент Липтир встал и повернул кресло на Маадаля.

– А вот это интересно, – произнес шаккамец и сел в кресло весь во внимании.

Маададь начал зачитывать письмо:

– Многоуважаемые гости! Сегодня случилось необъяснимое событие. Весь центр города парализован вследствие, как мы предполагаем, распространения непонятного газа. О судьбе Олвачи мы не можем ничего сообщить, потому что мы не можем подобраться к его камере – газ воздействует на все открытые участки тела. В течение двух или трех дней мы доберемся до Олвачи и представим вам более подробную информацию. А пока мы не советуем вам покидать имение. Существует угроза жизни. Ваш арравант, Эйлигер.

«Все опасения Липтира, кажется, начали сбываться», – подумал Маададь.

Липтир одним глотком допил остатки алкоголя и произнес:

– За нами придут. Это вопрос времени. Необходимо бежать, Маададь.

– Я побегу в Эйзулур, а ты?

– Я побегу в Шаккам. Через Эйзулур. Попрошу официального убежища у тебя, друг мой. Для тебя это будет тоже выгодно. Ты станешь братом Шаккама и Садир это непременно оценит.

«А он умен», – подумал Маададь.

Они с Липтиром необычайно сдружились за эти дни. Целыми днями напролет они ходили по саду, разговаривая о проблемах и давая друг другу ценные советы. Конечно, опыт Липтира в управлении храма и ведении политики был огромен. Маададь некоторые умные ходы, сказанные Липтром, уже прокручивал в своей голове, применяя к Энндуаре.

– Так и сделаем, – ответил Маададь и повернулся к окну. Сумерки начали понемногу отступать. Одиноким охранник прошел мимо дерева внизу и скрылся в зеленой гуще деревьев и кустарников.

– Тогда, – вставая, тяжело произнес Липтир, – я схожу, возьму необходимые вещи, и, надеюсь, до Газзалакса мы покинем это место.

– Подожди! – резко произнес Маададь. – Тут что-то не ладное творится.

Липтир насторожился и осторожно спросил шепотом:

– Что там?

– Подойди! – позвал хошир Энндуры.

Когда Липтир подошел, они вместе увидели странную картину. Все охранники имения, их было человек двенадцать, собрались в группу, слушая одного. Тот в свою очередь о чем-то быстро говорил показывая руками в разные стороны.

Липтир и Маададь переглянулись.

– Думаешь, это связано с нами? – спросил Липтир.

– Не думаю, – серьезно сказал Маададь. – Этот, который объясняет, прибежал откуда-то оттуда. – Он указал на начало сада.

Обсуждение продолжалось. Никто из стоящих внизу охранников не смотрел на имение. Их волновало что-то другое. Постояв немного, группа разошлась в разные стороны.

Липтир и Маададь не сводили глаз с того места, где стояли охранники.

Вдруг где-то вдалеке, среди деревьев послышался дикий крик, который эхом разнесся по сумеркам. Крик продолжался не очень долго. Кричали неистово. В крике были боль и страх. Страх было настолько много, что у Маадаля на спине пошли мурашки и в паху все сжалось.

– Что это? – спросил Липтир.

– Я не знаю, – прошипел Маададь.

Они продолжали смотреть.

Повисла пугающая тишина. Внизу два охранника, держа парализующие устройства наготове, быстро скрылись в гуще зелени. Никто из них не вернулся. Они как-будто испарились.

– Пока эти бегают по саду, нам вряд ли удастся выбраться из имения и парка – тихо произнес Липтир. – Есть какие-нибудь предложения?

Маададь отрицательно покачал головой.

– Боюсь, нам придется задержаться здесь еще на сутки.

– Вот этого бы не хотелось, – задумчиво проговорил Липтир, не сводя глаз с улицы.

Вдруг в сумеречной тишине стал нарастать топот шаркающих ног. И через некоторое время внизу показались три фигуры в странной одежде. Все были выбриты наголо и стояли, озираясь по сторонам, задрав носы, словно вынюхивая что-то или кого-то. Руки одного из них были в крови.

В головах Маадаля и Липтира стала складываться полная картина того, что творилось в саду прямо на их глазах.

Вдруг Маададь немного подался вперед к окну и прищурил глаза, словно всматриваясь.

– Что там? – шепотом спросил Липтир.

– Этого не может быть, – шипением ответил Маададь и посмотрел большими от ужаса глазами на Липтира. – Это проповедник Йорно, которого мы считали пропавшим без вести.

– И зачем он здесь?

– Не знаю, не знаю, – резко с шипением выпалил Маададь – нервы у него были на пределе.

Трое стояли и вынюхивали. Сомнений больше не было – вынюхивали их. Йорно стоял впереди всматривался в окна.

Липтир и Маададь стояли в полной тишине и наблюдали за непрошеными гостями. Йорно сделал шаг и направился внутрь имения. За ним последовали остальные.

Спустя некоторое время звук шагов стал приближаться к двери покоев Маадаля. Липтир и Маададь стояли и смотрели друг на друга, не зная, что делать. Хошир Энндуары быстро прошел к двери и подпер ее стулом. Липтир подошел к столу и взял тонкую вазу, стоявшую на столе.

Стук шагов с каждым мгновением нарастал.

Маададь быстро прошел в ванную комнату и вынес оттуда нож, который он брал всегда с собой. Они с Липтиром были готовы к чему угодно.

Шаги стихли возле двери. Ручка начала дергаться – пытались открыть тяжелую дверь. Затем в дверь начали стучать руками. Позже стуки переросли в удары, но тяжелая дверь сдерживала весь натиск пришельцев. Вдруг удары стихли. Шаги начали медленно удаляться.

– Надо убираться отсюда, Маададь. Да побыстрее. – Липтир был сильно напуган. Страх так и сочился из его скованных движений, переборов два стакана спиртного.

– Я думаю, как отсюда выбраться, – ответил раздраженно Маададь.

– Сумасшествие какое-то...

Маададь скинул халат и снял пижаму. Стоя в одних трусах перед Липтиром, он достал из сумки черные облегающие брюки и темно-красный вязаный свитер.

– Сейчас пойдем в твою комнату, – сказал, одеваясь, Маададь. – Нужно будет тебя избавить от этой одежды.

Натянув кожаные ботинки, он подошел к двери и брал подпертый стул. Он медленно стал отпирать дверь, осторожно выглядывая и осматривая тускло освещенный коридор. Никого.

Липтир и Маададь быстро вынырнули из комнаты и побежали к покоям Липтира, которые располагались в угловой части здания. Они подбежали к огромной резной двери и Липтир попытался ее открыть. Дверь не поддавалась. Видимо, сработала защелка и заперла дверь. Маададь заметил, что его брат по вере до сих пор не выпустил из рук вазу.

– Где же долбанные ключи? – Липтир стал бешено шарить по карманам свободной рукой. – Вот дерьмо! – выругался он.

– Что? Что? – возмутился Маададь.

– Кажется, ключи остались внутри.

– Значит, – быстро произнес Маададь, – побежишь в таком виде.

– Я? В таком виде? Что люди подумают о Шаккаме и обо мне?

– На кону твоя жизнь! Не нужно сейчас думать о чести и репутации.

Они поспешили по коридору к лестнице, пробегая распахнутую дверь в покои Маадаля. И когда до лестницы оставалось с десяток шагов, показалась лысая голова Йорно, которая стремительно поднималась.

Маададь резко остановился. Липтир перешел на шаг и ожидал позади. Когда Йорно поднялся, Маададь позвал его:

– Проповедник Йорно, это я, твой хошир!

Йорно остановился, смотря на него. В тусклом свете освещения Маададь рассмотрел странные глаза проповедника, пропавшего в ход Ювы. Белки стали желтыми, а некогда голубые зрачки были теперь лишь черной точкой. Глаза были неестественно впалыми. Кожа на лице и на руках была будто бы выбеленная и имела не живой оттенок. В руке Йорно держал топорик для рубки мяса. По-видимому очень острый. Проповедник поднял нос и стал принюхиваться.

– Йорно? – попытался привлечь его внимание Маададь.

Проповедник встрепенулся и бросился на Маадаля с поднятым топором.

Маададь понимал, что, пока он развернется и начнет убежать, топор уже вонзится ему в спину. Это была плохая затея. Умирать здесь, в Лигерхальде, ему не хотелось. Поэтому он сжал крепко нож, готовясь принять бой, хотя в последний раз, он дрался еще в юности.

Как только до Йорно оставалось не более двух шагов, Маададь был уже готов нанести удар, но тут произошло то, чего он не ожидал. Раздался звонкий удар, от которого Маададь на миг закрыл глаза. А когда открыл, то увидел лежащего перед собой Йорно и осколки вазы, которую таскал с собой Липтир. Тут вся цепочка событий в голове Маадаля быстро восстановилась. Липтир, возможно, спас ему жизнь.

Маададь почувствовал, как сзади его схватили за локоть и потянули. Липтир пытался затащить его обратно в покои.

– Поторопись же! – закричал шаккамец.

Маададь увидел как по лестнице поднимались еще двое лысых мужчин.

Они бросились вместе с Липтиром обратно в покинутую спальню. Забежав, Маададь запер дверь и подпер ее стулом. После чего он обернулся и увидел абсолютно растерянного Липтира, который смотрел на него глазами, требующими объяснений.

– Я не понимаю, почему он хотел меня убить, – глухо произнес Маададь, восстанавливая дыхание. – Я его знаю более шести индиктов. Он всегда...

– Хватит! – скомандовал Липтир. – Нам нужно отсюда выбираться! И это нам навряд ли поможет. – Липтир перевел взгляд на руку Маадаля.

Хошир Энндуары только что осознал с какой силой он сжимает рукоять ножа. Пальцы заоченели от напряжения. Он с усилием разжал их и посмотрел на Липтира пристальным взглядом.

– Что? Что-то не так? – спросил шаккамец.

– Я знаю, как выбраться, – выпалил Маададь. – Мы выйдем через окно.

– Что? – Послышалось в ответ.

– По дереву вниз.

Раздался удар с оттенком метала. Было ясно, что те двое уже подошли на начали ломать дверь топорами или ножами. Количество стуков увеличилось. Возможно, Йорно очухался, и теперь долбил дверь вместе с остальными безволосыми чужаками.

Липтир подошел к окну и настежь открыл его. Прохлада вместе с каплями дождя ворвалась в комнату.

– Давай, ты перевый! – Произнес шаккамец.

– Но...

– Никаких «но». Ты в удобной одежде – быстро спустишься и проверишь что там внизу. Я буду здесь. Как только дашь мне знак, я буду спускаться.

– Так и сделаем, – Маададь согласился с планом.

– Но только дай мне нож. Вдруг придется отбиваться.

Удары стали настойчивее. Пришельцы изрубали дверь с наружной стороны более усердно, стараясь быстрее добраться до тех, кто был внутри.

Маадаль с подоконника осторожно перебрался на дерево. Толстые сучья могли выдержать троих, а то и пятерых. Из-за крупных листьев все ветки, за которые держался Маадаль, были сухими. Это придавало уверенности и существенно облегчало спуск. Перебираясь с ветки на ветку, он быстро спустился с макушки до середины дерева. Через ветви, облепленные большими листьями, он осмотрел обстановку. В округе никого не было видно. Все охранники куда-то испарились. Ни разговоров, ни шагов. Ничего, что говорило бы о жизни.

Сверху продолжались удары по двери, которые через открытое окно выливались в сад.

Маадаль спрыгнул на землю и снова прислушался. Ничего, кроме ударов капель дождя по листьям.

Сверху показалась голова Липтира.

– Ну что там? – спросил шаккамец полушепотом.

– Все чисто, – заверил его Маадаль. – Можешь слезать.

Как только Маадаль договорил, из сада показались пять человек. Пока другого названия для них не было. Таких же лысых, мертвенно-белых и с желто-черными глазами, каких они видели в коридоре. Они остановились перед именем и нюхали воздух.

Вдруг из центрального входа выбежал Йорно. Из его разбитой головы текла темная кровь, заливая правую щеку и глаз. В руке он держал все тот же топор. Он остановился и стал принюхиваться. Маадаль затаился в зелени кустарника, стоявшего в нескольких шагах от дерева, с которого он только что спустился.

Йорно перевел взгляд с неба на кусты, в которых прятался Маадаль. Он сделал два глубоких вдоха и осторожными шагами пошел к Маадалю.

Липтир начал спускаться вниз. Маадаль видел, что шаккамец заметил идущего в его сторону Йорно. Липтир затаился на ветке.

Шаги Йорно стали уверенней. Он еще не заметил Маадаля, но какое-то немислимое чутье вело его прямо к нему. Из пятерых, которые стояли и нюхали, трое побежали в здание ломать двери, а двое направились за Йорно.

Маадалю нужно было срочно принимать решение.

– Тс-с. – Послышалось сверху.

Хошир поднял голову.

– Держи нож, – произнес Липтир, – он тебе больше пригодится.

Липтир кинул нож, но он нож не достиг земли. Лезвие застряло где-то в густых ветках.

– Проклятые океанские духи, – выругался Маадаль и кинулся бежать.

Он выбежал на одну из многочисленных тропинок, по которым они гуляли с Липтиром. Зеленая густая листва образовывала коридор, из которого мог в любой момент выпрыгнуть кто-нибудь из подобных людей. Маадаль обернулся – четыре фигуры гнались за ним. В пред-рассветных сумерках цвет их кожи выделялся особенным болезненным контрастом. Они гнались за ним молча, не издавая ни звука.

Липтир бежал к окраине парка. Скоро должны были начаться жилые кварталы. Там он и сможет укрыться.

«Нож бы был сейчас кстати».

Он словно перенесся в свое портовое детство, когда за ним гнались мальчишки постарше. Но только тогда он отделался синяками и ссадинами, а сейчас его ждала смерть.

Маадаль выбежал из парка на узкую улочку. Дома здесь были не такие высокие, как в центре города. Уютные улочки с небольшими садиками и парками.

Ему нужно было оторваться от преследователей и позвать на помощь. Но в такое время, когда все еще спят, было сложно кого-то найти. Он пробежал меж двух серых зданий. Стуки ног за ним не отставали.

Выбежав на другую на прилегающую улицу, он принялся бежать к жилым зданиям и парку. Возможно, там ему удастся спрятаться от них или, что маловероятно, позвать кого-нибудь на помощь. Забежав за здание, Маадаль увидел хлам, сваленный в кучу. Строительный мусор, не более. Но, торчащая из груды наваленного, крепкая палка будет кстати. Он вырвал ее из кучи и затаился за углом здания.

Когда мертвенное лицо показалось из-за угла, он нанес удар. Раздался плотный глухой звук, сопровождаемый резким щелчком. Голова буквально лопнула под сильным ударом. Вязкая темно-серая жидкость брызнула на стену и асфальт. Пол головы было снесено. Тело повалилось на землю, как тряпичная кукла.

Маадаль не выпуская палку продолжил бежать, пытаясь спрятаться среди домов. Он понял, что нужно бежать к центру города. Там больше шансов найти какую-нибудь помощь.

Хошир бежал по узкой улочке меж домов и увидел на одном из зданий лестницу, ведущую на крышу. Он бросился туда, чтобы увидеть все, что происходит внизу. К тому же наверху было легче отбиваться от преследователей.

Он быстро взбежал по лестнице и попал на крышу здания, где перед ним оказалась уютная площадка со скамейками, заставленная зеленью. Пробравшись до края крыши, он взглянул вниз. Йорно и еще двое осторожно шли по улице. Темно-багровое пятно на лице проповедника красовалось зловещей кляксой. Все четверо то и дело останавливались и принимались к воздуху.

Маадаль, спрятавшись среди кустов небольших деревьев, которыми было утыкано свободное место на крыше, посмотрел в другую сторону, откуда раздавались крики. Он увидел, как убегающего мужчину повалил на асфальт лысый и мертвенно-белый человек. Нападавший схватил голову мужчины и бил ее о землю, пока она не превратилась кровавое нечто.

Между тем трое преследователей сейчас проходили, все так же принимаясь мимо его здания. Йорно шел впереди, а остальные следовали за ним как послушные животные. Они осторожно прошли его здание, пока один из них, самый последний, вдруг обернулся и бросил взгляд на крышу. Его зловещие желтые глаза были прикованы к зелени, в которой прятался Маадаль.

Он кинулся к нему.

Маадаль выбрался из кустов и приготовился к атаке, подняв окровавленную палку. Моменты ожидания сумасшедшего пришельца тянулись мучительно, словно нитями проходили через его нутро. Кристально чистый страх и жажда жизни были сейчас воедино в его голове, груди и руках. Нервы были навзводе, готовые среагировать на любой раздражитель. Он замер. Сейчас он понял, что стоит под серым небом и на него падает редкими каплями дождь.

Грохот шагов по железной лестнице становился все ближе с каждым стуком его сердца.

Как только человек показался на крыше, Маадаль молниеносным движением нанес мощнейший удар, сбив охотника с ног. У этого череп оказался крепче – голова была на месте. Но большая красная трещина кривой линией рассекала лоб и уходила куда-то к затылку. Желтые болезненные глаза смотрели в серые тучи на небе. Открытый рот был словно черная бездна.

Маадаль перестарался. Теперь в его руках красовался лишь небольшой короткий огрызок его палки, а второй валялся в ногах у охотника.

– Проклятье, – выругался Маадаль.

По лестнице застучали шаги – нужно было срочно выбираться.

Хошир кинулся к другой части крыши в надежде найти дверь, ведущую в здание, или запасную лестницу. Попытка не увенчалась успехом. Был бы Йорно один, то он бы еще мог с ним справиться. Но их было двое. Они могли запросто его поймать и убить.

Он оказался в тупике.

Он увидел, что задняя часть здания выходит в сад. Пышные деревья застилали зеленым ковром огромную пригородную зону. Вдалеке виднелось имение, где Маадаль провел все эти дни с Липтиром и Олвачи.

Шаги приближались железным грохотом.

Необходимо было сделать выбор: прыгнуть на дерево или принять бой. В обоих вариантах рассчитывать на полную сохранность не приходилось.

Как только показалась разбитая голова Йорно, а за ним его приспешника, Маадаль бросился с крыши вниз на кустарник. Перед его глазами мир проматывался как бешеное колесо. Его взгляд погрузился в зеленую гущу. Тело билось о ветви. Он делал жалкие попытки ухватиться за что-нибудь. Внезапно его поймала толстая стволовая ветка, на которой он повис, держась руками. До земли оставалось пол человеческого роста. Маадаль перевел дыхание и отпустил руки.

Когда он уверенно стоял на земле, то почувствовал, что ему сложно дышать. Что-то в груди было нарушено.

«Это только еще не хватало».

Ребро. Оно было сломано. Тут и гадать было нечего.

Не успел он прийти в себя после падения, как над его головой раздался треск ломающихся веток. Один из преследователей воспользовался методом хошира. Маадаль продолжил бег в сторону центра, но быстро бежать уже не получалось.

Хошир стал петлять среди кустов и деревьев, чтобы скрыться из виду. Его дыхание было затруднено. Каждый вдох и выдох дарил ему боль, которая растекалась по всему боку. Он начал замечать, что на безымянном пальце левой руки начала просыпаться пульсирующая боль. Он взглянул на руку – палец опух и посинел.

– Этого еще не хватало, – произнес он вслух. Его собственный голос показался ему странным, неестественным.

Около парса он пробирался через деревья парка, ориентируясь по высоким башням трезубца. Ему нужно было попасть туда, где были люди.

Убегая от погони, он заметил, что дождь перестал идти и серые тучи сменились синими небесами. Скоро будет рассвет.

Когда он выбежал из парка на улицы города, то увидел хаос. Толпы народа отбивались от бледнокожих одинаково одетых убийц. По всюду были слышны женские крики и плач детей. Где-то шла борьба, а где-то скорбили по погибшим. Кто-то, взяв с собой всех детей, пробирался через закоулки прочь из города. Пятна крови виднелись везде, куда бы он не посмотрел. Маадаль оглянулся и увидел, что за ним следует лишь Йорно, мелькая своей разбитой головой. Второй, по-видимому, разбил голову о ветви или о землю.

Маадаль выругался. Силы стремительно покидали его. Боль в пальце и боку беспощадно отнимала спасительную энергию его тела. Хошир спешил к главной площади города. Там-то точно будет кто-нибудь из трезубца.

Когда он вбежал на просторную площадь, он еле стоял на онимевших ногах. Он увидел людей в форме, которые орудовали мачете, убивая бритоголовых, и остановился. Дышать было тяжело. Он с трудом пропихивал воздух в легкие.

И вдруг он боковым зрением заметил, что на площади показались люди в свободных оранжевых мантиях. Их было примерно около десяти человек. У каждого в руке было по кувшину. Одевания напоминали мантии болано Энндуары.

Раздался странный гул, как будто трубили в огромную трубу. Крики, плачи, стоны – все стихло. Затем стало происходить невообразимое. Все убийцы выходили или выползали на площадь и двигались к стоящим людям в оранжевых одеждах. Люди в форме замерли с занесенными мачете, готовые продолжать рубить и резать.

Убийцы подходили к монахам, а те давали им какую-то жидкость, которую они черпали из кувшинов маленькими ложками. После этого происходило нечто странное. Все, кто выпивал жидкость, отходили несколько шагов в сторону и начинали буквально испаряться. Их кожа плавилась и большими кусками валилась на землю. Кости рассыпались в прах. После каждого подошедшего оставались лишь кучки скомканной одежды и какой-то слизи. Йорно, ковыляя подошел к монаху и испил из ложки. Через короткий миг от него осталась лишь небольшая горка черного тряпья.

Гулы труб были слышны еще несколько раз подряд. За работой монахов наблюдали все жители города, которые находились поблизости. На фоне взошедшего Газзалакса и восходящего солнца жители Лигерхальда получили спасение от странников, которые прекратили бойню и стали избавлять город от убийц.

Чудесное спасение, которое происходило на глазах у толпы, для Маадаля, как для стратега и политика, казалось спланированным ходом. И тут он понял, что все его планы и замыслы были уничтожены этими монахами, которые в солнечных лучах поили кровожадных бледнокожих убийц. Священные посланники Восьми Лун вершили божественную волю, в которой умирала вся власть хошира Энндуары. Вся его жизнь рушилась под звуки удивленных возгласов, которые раздавались из толпы, и шипение бледных тел. У него не было никаких сомнений, что это сделали близкие ему люди.

5. Шаккам. Ауддгорф

Остров нежился в предутреннем безмолвии. Каждый его уголок был окутан тишью и предутренным холодком. Ровно подстриженные деревья стояли в ожидании утреннего ветерка. Аккуратные домики и шикарные коттеджи стояли в одиночестве, словно покинутые. Большое строение посреди острова черным монолитом протыкало его насквозь, а в его окнах отражались луны и бесчисленные звезды.

Утро тут наступало быстро. С первыми лучами сразу же начинали щебетать птицы, шуметь океан и шнырять легкий ветерок по улочкам и аллеям. Сонные охранники и технические работники бродили как одинокие насекомые, подготавливая Ауддгорф к торжественному открытию.

Одинокая тонкая фигура человка шла бесшумно меж домиков и озиралась, чтобы быть не замеченной. Человек шел только по траве, чтобы его шаги не смогли привлечь внимания изредка появлявшихся охранников. Он часто останавливался, чтобы вслушаться в подозрительные шорохи либо шаги. Он это проделывал каждую ночь, пробираясь к заветному коттеджу в восточной части острова, и еще ни разу не был замечен никем, кто осматривал остров. Для него это было некой игрой с неугасающим интересом, в которую он играл сам собой. Он проложил маршрут, который казался ему самым безопасным, хотя и приходилось удлинять путь.

Добравшись до заветного дома, он еще раз огляделся. Все было так, как он хотел. Он осторожно наступил на дощатое крыльцо. Свежие доски еще не скрипели и не выдавали ночного гостя.

Бесшумно пробравшись в коттедж и дойдя до спальни, ночной гость увидел ее. Она лежала на кровати и спала нежным сном. Сьяр чувствовал как воздух был наполнен цветочными ароматами и запахом женщины. Как только он хотел сделать шаг, раздался голос, от которого он невольно вздрогнул:

– Ты думаешь, я не видела в окно как ты крался к коттеджу, Сьяр?

– Я думал'як что ты спишь!

В ответ послышался легкий смешок, вызванный его каким-то детским акцентом.

– Я тебе говорила, что твой чудоковатый акцент нравится мне все больше и больше. – И в этот момент Улефида откинула одеяло и перед лицом Сьяра предстало ее полностью обнаженное тело.

В слабом свете, который пробивался сквозь занавески Сьяр увидел очертания тела Улефиды: ее большую мощную грудь, крепкий живот, мощные бедра. Сьяр стоял завороженный, хотя уже видел Улефиду голой и не раз. Но в этот раз она показалась ему совсем иной. В ней было настолько много манящего и страстного, что Сьяр не мог отвести глаз.

– И чего ты ждешь? – произнесла Улефида.

Сьяр, очнувшись, стал быстро стягивать с себя одежду на ходу. Ее это рассмешило. Как только Сьяр попал в теплые объятия Улефиды, то сразу же забыл обо всем на свете.

После продолжительных возлияний Улефида провалилась в глубокий сон. Но Сьяр не спал. Он долго обнимал ее, пытаясь заставить себя поспать, но сон так и не приходил. В голову лезли разные мысли, в каждую из которых Сьяр пытался вдуматься и разобраться.

Особенно ему на давали покоя поручения Паэля. Ему пришлось добраться до Ким-Рабаны и передать чужаку стопку старых карточек. По дороге он просматривал их и не мог понять, что же в них такое, что сам Паэль поручил ему такое задание. В них определенно была высочайшая ценность, в противном случае он мог бы передать их через корфайдеров, которые курсируют до Ким-Рабаны каждый день. Из-за этих карточек Сьяру пришлось прочувствовать морскую болезнь сполна. Весь путь до столицы и обратно его безжалостно выворачивало.

За окном стало светло. Сьяр решил встать и выйти на крыльцо, чтобы своими мыслями не нарушать сон Улефиды. Он аккуратно собрал раскиданные вещи с пола и оделся в другой камнате. В окне, выходящее на узкую улочку, он проверил утреннюю безлюдность и вышел на свежий воздух.

Стрекот насекомых стал понемногу прорезаться сквозь блаженную тишину. Один край неба становился все светлее и светлее. Сьяр подошел к перилам и обвел глазами округу. Несмотря на тревожащие его мысли, он до сих пор помнил сладкие стоны Улефиды и ее прекрасное тело. Сьяр понимал, что скоро их связь с Улефидой станет явной не только всему острову, но и прайлису Гиону. И этого он боялся. Потому что Улефида очень много знает, да и он тоже. Но Сьяр настолько сильно был влюблен в Улефиду, что готов был ее защищать ее ценой своей жизни.

Слова Улефиды о том, что Садир и его сын на острове не выходили у него из головы. Он не думал, что она могла так пошутить над ним или запутать его, ведь она говорила про это в слезах. Но Сьяр даже подумать не мог, что моуласар на острове.

– Ты уже здесь?

Сьяр встрепенулся и увидел охранника, идущего по узкой улочке.

– Да'к.

– Я даже не слышал как приехала тележка, – изумился проходящий мужчина.

– Мастерство, – подытожил Сьяр.

Охранник еле заметно улыбнулся и пошел дальше осматривая территорию.

Сьяр решил прогуляться и направился в уютный парк, выходящие на побережье, неподалеку от коттеджа Улефиды.

Идя к резным скамейкам, Сьяр краем глаза заметил быстро идущую тень. Паэль. Его походка была особенной. Он двигался словно кукла, подвешанная на ниточках, но при этом очень быстро и никогда не падал. Паэль определенно куда-то спешил, потому что его движения были наполнены еще большей неопределенностью.

Сьяр не стал окликать Паэля, а тихо последовал за ним. Он следовал осторожно по идеально выстриженному газону меж деревьев. Хотя надо отдать должное Паэлю, несмотря на его раскардированные шаги, он тоже двигался очень тихо. И как по воле судьбы на встречу ученому не попадался ни один человек. Паэль шагал к центру острова. Его длинный плащ развивался на ходу и то и дело цеплялся за кусты, окаймлявшие узкие дорожки. Паэль чуть слышно выругивался и спешил далее.

Через короткое время чудаковатые шаги ученого привели его к Игле, огромному зданию в центре острова. Сьяр было подумал, что Паэль зайдет внутрь, но ученый вдруг резко остановился, почесал лоб, как будто вспоминал путь, и двинулся дальше. Сьяр следовал за ним, как кошка выслеживавшая одинокого птенца, который только что выпал из гнезда.

Паэль в той же манере обошел Иглу и направлялся к побережью через сад. Под ногами он не замечал ни клумб с цветами, ни маленьких кустарников. Он был словно одержим чем-то. Сьяр не редко видел ученого в таком состоянии. Это с Паэлем происходило в то время, когда он обдумывал очередную идею. В такие моменты он мог случайно зайти в океан или усесться в чистом костюме прямо на пыльную дорожку. Станный этот Паэль, но Сьяру он нравился.

Ученый определенно шагал к берегу. Сьяр знал, что там не было практически никаких построек, так как это было пляж. Может он просто будучи в своих мыслях заплутал, как это часто с ним бывало?

Ученый спешил. Это было видно по его действиям. Он словно бросал вызов предупредительному спокойствию. Ноги Паэля стая утопать в мелком золотом песке. Сьяр в это время спрятался за небольшим кустарником, из-за которого был хороший обзор. Внезапно Паэль остановился перед небольшой деревянной квадратной постройкой для переодевания. Немного

подумав, он двинулся к следующей. Совсем неожиданно для Сьяра ученый зашел внутрь. Сьяр осторожно вышел из-за куста и зашагал по песку. Паэль не показывался.

«Что он там делает», – пронеслось в голове у парня?

Сьяр остановился и прислушался. Никаких шорохов или стуков не было, как будто ученый испарился. Сьяр поплелся дальше. Песок был настолько вязким, что его туфли с легкостью утопали в нем. Идти было очень не удобно.

Когда Сьяр подошел к деревянному кубу. Он еще раз прислушался. Тишина была такой же как и мгновение назад. Внутри ничего не происходило, но дверь была закрыта. Сьяр медленно повернул ручку и дверь поддалась. Он даже и подумать того, что он мог увидеть в следующий миг.

Сьяру, перед тем как войти, представлялись самые страшные картины того, что могло произойти с Паэлем. Но каково было его удивление, что, войдя внутрь, он не обнаружил ученого. Сначала он не мог поверить своим глазам. Куда мог деться Паэль из такой маленькой постройки. На дощатом полу не было даже намека, что сюда заходил ученый. Все было привычно: небольшая табуретка, ряд крючков для одежды, компактное зеркало на стене.

Он еще раз обвел помещение взглядом. При тусклом свете, который просачивался в небольшие щели под потолком, все было как обычно. Но при этом куда подевался Паэль, Сьяр не мог понять. Он даже себе представить не мог, что такого сделал ученый, что буквально испарился с такой быстротой.

Парень еще раз сделал попытку понять, что же здесь произошло, но ему так и не чего и не пришло в голову. Как вдруг Сьяр почувствовал откуда-то холодный воздух, который просочился через его тонкие штаны. Сьяр замер и перевел взгляд на пол. И тут до него дошло, что такой же холодный воздух встречал его всегда в тоннеле по пути в Ауддгорф. Значит где-то здесь подвал. Сьяр стал осторожными шагами притаптывать доски в поисках входа в подвал.

Совсем скоро он нашел его. Квадратная крышка люка была искусно замаскирована в полу в углу постройки. Парень присел и стал шарить в полутьме рукой в поисках возможной ручки для открытия люка. Ничего не найдя Сьяр просунул пальцы между досок и потянул тяжелую крышку на себя. Квадратная конструкция поддалась и уже через миг Сьяр заглядывал в черную пасть тоннеля, ведущего в куда-то вглубь.

Он осторожно поставил ногу на тонкий прут ступеньки, ведущей в темноту. Спускаясь, он то и дело поглядывал наверх, так как там был единственный источник света. Когда его нога коснулась пола, Сьяру стало спокойнее. Он был впервые в этом месте. Тут было не просто прохладно, а очень холодно. Тонкая одежда Сьяра стала абсолютно не пригодна в этом помещении. Тут был достаточно странный запах железа перемешанный с пылью.

Его глаза долго привыкали к темноте, но так и не смогли одержать над ней верх. В этой грозной темноте висела такая же грозная тишина. Вдруг где-то справа послышалось клацание. Сьяр опираясь на стену последовал навстречу звукам, осторожно переставляя ноги. Подвальный холод пробрался до всех уголков его тела. С каждым шагом звуки становились отчетливее.

Внезапно клацания затихли и в конце темноты появился свет. Теплый и манящий свет, как будто солнце рождалось именно здесь. Сьяр пошел более уверенно на источник. Вместе со светом и послышался мужской разговор. Говорил определенно Паэль. Его слова искажались эхом подвала и долетали до ушей Сьяра булькающими и размытыми.

Дойдя до источника света, Сьяр понял, что лучи лампы разрезали темноту из примыкавшего коридора. Он осторожно высунул голову, чтобы посмотреть, что там происходит. Речь Паэля стала более разборчивой. Ученый говорил о том, что скоро все будет кончено. Но что? Свет лился из открытой щели, которую формировала приоткрытая дверь. Прищуренными глазами Сьяр разглядел отделанную белым мрамором комнату и край выступающего стола.

– ... это может показаться странным, но я и сам заложник ситуации. И не по моей воле вы оказались здесь.

«С кем это он разговаривает? Неужели Улефида была и вправду права», – словно озарение пронеслось в мыслях Сьяра.

Сьяр, замороженный речью Паэля, уже не чувствовал холода. Он был настолько увлечен тем, что говорил Паэль, как не заметил что прислонился к холодной стене, из-за которой смотрел на свет.

– Я не могу изменить обстоятельства, которые сейчас созданы на Ауддгорфе, но смогу их поменять позже, когда пыль от вашего исчезновения осядет на головы шаккамцев.

– Это проделки прайлиса Гиона? – голос Садира был спокоен и разносился бархатным эхом по коридорам подземелья.

– Возможно, – нейтрально ответил Паэль. – Однако я сегодня пришел сюда к вам с одной целью – уведомить вас, что вы, мой моуласар, и ваш сын тут в полной безопасности. Что вам и вашей семье ничто не угрожает.

– А как же моя дочь, Диола?

– Ваш преданный воин Ордис будет оберегать ее как свою собственную дочь.

– Но кто же сейчас управляет Шаккамом? И что происходит в Ким-Рабане?

– Пока всем руководит ваша дочь. Согласитесь, она уже взрослая, чтобы принимать решения. Тем более она с вами постоянно присутствовала на Советах, а это очень хороший опыт в понимании всех нужд государства.

Затаилось молчание. После чего Садир начал:

– Значит так, мне необходимо, чтобы прайлис Гион при первой возможности прибыл сюда и освободил нас с Олвачи. А потом объяснил, для чего он нас сюда поместил...

– Для вашей безопасности, мой моуласар.

Но Садир словно не слышал Олвачи и продолжал:

– Если он этого не сделает, то я найду способ передать Ордису приказ начать охоту на Гиона и на всех его приспешников, и тогда он зальет кровью проклятый пучиной Ауддгорф и дома всех тех, кто служит Гиону. А как вы знаете, Паэль, вы тоже окажетесь в их числе. Ведь у вас большая семья. Вы сейчас не с ней, но она все же есть.

В той холодной тишине, ответ Паэля казался тусклым и бесцветным. Все же Садир знал, чем можно припугнуть каждого человека в Шаккаме. Ордис был его божественным орудием, которое могло найти и предать смерти каждого, кто навредил семье моуласара. Об Ордисе в Шаккаме уже слагались легенды. Его нелюдность и боевые навыки вызывали у простых граждан страх и уважение. Его имя даже проникло в далекие лесные деревни, что когда люди оттуда приезжали в города, то часто спрашивали то место, где можно увидеть Ордиса.

– Мой моуласар, – неуверенно начал Паэль, – Я сам оказался заложником ситуации. Моя семья уже находится под чутким контролем...

– Что происходит на этом острове? – вмешался голос Садира в причитания Паэля.

– Остров? Тут происходит нечистое... Тут все давно проклято демонами пучины. Только благодаря лунам и их свету мы еще живы.

– Паэль! – Резко оборвал Садир. – Что здесь происходит? Почему нас держат здесь?

– Здесь проходят опыты над людьми, – с горечью проговорил ученый. – Я бы с радостью отказался от всех своих наград и признаний, лишь бы покинуть это место. Но у меня договор с Гионом...

– Под самым моим носом... – обреченно произнес Садир.

– Не печальтесь, мой моуласар. – После этих слов послышался шорох одежд Паэля. – Стоя на коленях перед вами, я обещаю, что любым способом вытаску вас с острова. Раз я не уберег свою семью от рук прайлиса, то уберегу вашу, даже ценой своей жизни.

– А что с поездкой в Лимессу? Вы понимаете, что это будет плевок в сторону Шаккама и грязное пятно на его репутации.

– Об этом не беспокойтесь, мой моуласар, – продолжал оправдываться Паэль. – Я подготовил для поездки вашу копию и копию Олвачи. Гирдан и молифекс отправились в Лимессу вместо вас.

– Что? Гирдан? Молифекс? О чем ты говоришь? – Садир был явно не в восторге от услышанного.

– Гирдан, – Паэль замешкался. – Понимаете, это точная копия человека, который просто служит и выполняет заданные алгоритмы. А вот с молифексом все посложнее. Это можно сказать управляемая... бомба.

– Что? – Видимо, Садир не верил своим ушам.

– Это тоже прототип человека, но там другие процессы, – Паэль был увлечен объяснением. Это ощущалось по его голосу. – Тот и тот экземпляр разлагается со временем, только в молифексе во время разложения образуется много яда, который, в конечном итоге, разрывает экземпляр.

– Значит, в Лимессе совершен взрыв? – удивленно и с негодованием спросил Садир.

– Думаю, что к этому времени уже да. Если экземпляр не изолировали, конечно. Хотя...

– Ты понимаешь, что это значит? – взревел Садир. – Это конец всем нашим усилиям по сближению с Лимессой. Ты понимаешь, что произошло?

Паэль в манере провинившегося мальчика стал оправдываться перед моуласаром, соглашаясь с его доводам и своей виной.

Сьяр, слушавший разговор в холодном коридоре подземелья, окончательно замерз. Все тайны, с которыми пришел Паэль в подземелье, он ознакомился. Подбородок стал трястись, выбивая еле слышную дробь его собственными зубами. Нужно было уходить – скоро аудиенция подойдет к концу.

Паэль говорил серьезно. В его словах не было ни единого намека на сарказм или преувеличение. Ученый сам находился в незавидном положении.

Сьяр побрел обратно к тусклому свету, который падал через круглое отверстие. Он шел не слышно. Делать он это умел идеально, так как случалось столько обстоятельств, когда приходилось притворяться тишиной. Путь наверх оказался более смелым и быстрым, чем спуск.

Выйдя из кабинки, Сьяр почувствовал, что теплый океанический воздух просто обжигал его окалевшее тело. Он отошел к другой постройке, чтобы не попадаться на глаза ученому. Небо было светлым и ожидало солнца.

Через некоторое время солнце стало пробиваться сквозь окенический горизонт, слепя своими лучами глаза Сьяра. Парень смотрел на бликующие волны, которые словно искры разжигали в его голове тревожные мысли.

«Все таки Улефида была права. Моуласар в опасности. И мы тоже! Да что там мы – весь Шаккам!»

6. Лимесса. Лигерхальд

В то утро Лифион проснулся от странных криков на улице. Ему показалось, что сегодня выходной день, так как именно в этот день он часто просыпался от криков ребятни за окном. Но в это утро, даже сквозь сон, он понимал, что ему нужно быть на службе. В голове никак не могли уместиться два этих обстоятельства – крики за окном и служба.

Лифион с трудом вырвал свой разум из объятий сна и сел на кровати с закрытыми глазами. Вставать с постели не было никакого желания. Он приоткрыл глаза и посмотрел на временную линию на стене. До обычного его просыпания было еще довольно долго. Можно было увидеть еще несколько добрых снов. Но крики заползли в его уши наподобие жутких насекомых, от которых так и хотелось избавиться.

Он вяло откинул одеяло и поднялся. Тело требовало утренних упражнений, но сегодня никакого желания не было. Крик, доносившийся с улицы, не умолкал. Упражнения он всегда делал в тишине, но сегодня ему точно не удастся сконцентрироваться на теле. Было похоже на то, что крик был не детский, наполненный радостью, а женский – полный ужаса.

Открыв свои большие глаза, Лифион, последовал на балкон, из которого выходил обзор на внутренний дворик. Ступив на прохладный кафель, он сразу же проснулся и осмотрел окрестности. Дома напротив еще спали. Солнце было за горизонтом, но уже было светло. Ему очень нравилось предрассветное время, потому что тогда голова не думала о работе, о заботах и прочих мирских делах. Но это утро было не таким. Крик шел откуда-то снизу. Лифион бросил взгляд вниз и, при первом осмотре, увидел лишь большие кустарники и цветы, которые выставлялись жильцами дома. Крик раздался еще раз и тогда ему удалось сфокусировать взгляд на его источнике.

Внизу в угол здания была загнана молодая пара. Парень отбивался доской от трех мужчин необычайно похожих друг на друга. Девушка в ночном халате стояла за спиной парня с ужасом в глазах. Видимо, тем троим до парня не было никакого дела – все тянулись к девушке. Девушка кричала, не переставая, в надежде на чью-либо помощь.

Лифион метнулся обратно в квартиру. Быстро оделся и спустился вниз. Сонные мышцы его тела пришли в резкие движения. Он быстро накинул легкую кофту и влез в штаны. Крики продолжались. Он поспешил на дикий зов девушки. Лифион по пути подобрал небольшую палку, которая была оставлена на детской площадке. Двигаясь через кустарники, он выбежал к углу здания, где трое людей в черных грязных костюмах прорывались к испуганной девушке.

Подбежав к первому, Лифион ударил человека по голове. И только сейчас заметил, что все трое были лысыми. Человек повернулся к Лифиону и уставил на него странно-мутные глаза.

– Это мертвецы! – крикнул парень.

В этот же миг сотрудник Агентства безопасности Лигерхальда сбил лысого мужчину с ног. Когда тот рухнул на асфальт, Лифион вторым ударом ноги нанес чудовищный удар в голову. Череп с отвратительным треском лопнул и из трещины стала толчками выходить жидкость серого цвета.

Остальные двое нападавших уставились на деяния Лифиона, но почему-то не стали нападать на него. В это время парень нанес одному из недоброжелателей удар доской по голове и тот рухнул как тряпичная кукла. Из его расколотой головы тоже вытекала серая жидкость, наполняя воздух гнилым запахом. Третий обернулся к девушке будто ничего только что не произошло.

Лифион схватил последнего за горло и припер к стене. Тот будто не видел Лифиона, он продолжал странно шипеть и вырываться, протягивая руки к девушке. Девушка, понимая, что

утренний кошмар, в прямом смысле, кончился, невольно обмякла и была подхвачена парнем. Лифион продолжал держать странника за горло.

– Кто ты такой? Кто тебя сюда прислал? – спросил Лифион.

Ответа не было. Только хрипение и клокотание. Чужак все безуспешно пытался вырваться из мертвой хватки сотрудника Агентства. И тут Лифиону пришла мысль заглянуть ему в глаза. Он был одним из немногих, которые могли смотреть прошлую жизнь лубого чловка, глядя в глаза. В Лимессе таких людей называли эклями. В них он находил все необходимые ответы на вопросы, но делал это он только в исключительных ситуациях. После каждого слияния с судьбой другого человека Лифиону было не хорошо. Его мучили страшные головные боли, образы из жизни просматриваемого то и дело всплывали, выдавая себя за реальность, сны превращались в кошмары на протяжении многих дней. Он тяжело отходил от увиденного, хотя это приносило свои результаты.

В этот раз Лифион решил долго не думать. Он захватил голову чужака своими мощными ладонями и взглянул глубину зрачков. Каждый раз, когда он совершал смотрение и слияние с судьбой, его пробирала мелкая дрожь, а затем завораживающие картины чужой судьбы проигрывались в обратном порядке, предлагая Лифиону исходные моменты. Но сегодня такого не было. Странность была в том, что он ничего не видел. Неужели его дар, который был послан ему самой природой, покинул его? Лифион видел пустоту. Черное ничто, которое растеклось в сознании недоброжелателя. От этого в нем взорвалась ярость и Лифион нанес молниеносный удар между глаз чужаку, оставив рваную вмятину, из которой мелкими струйками просачивалась грязно-серая жидкость. В теле поверженного сразу же испарились энергия и напряжение. Чужак с бледной кожей рухнул под ноги Лифиону.

– Большое вам спасибо! – Проговорила причитающе девушка сквозь слезы спасения. – Я была так близко от смерти.

Лифион обернулся на слова и оглядел пару.

– Они пришли к нам под утро. Стали выламывать дверь...

– Вы их знаете?

– Нет, – ответил парень. – Они пришли за моей женой. Одного я убил еще в квартире, а эти – гнались за нами до последнего.

– Это мертвецы? – спросила девушка. Ее поврежденная рука залила кровью белоснежный халат.

– Не знаю, – ответил Лифион. – Но выглядят очень на них похожими.

– Мои родители прислали мне ментальный сигнал, – звговорил парень. – Я только сейчас о нем вспомнил.

– Какой? – резко спросил Лифион.

– «Они повсюду».

Лифион не сразу осознал все страшное, что несли в себе эти два слова. Он еще раз осмотрел мертвые тела и в попытке найти хоть какую-нибудь подсказку. Прелый запах их грязных одежд поднимался из земли и бил в нос волной отвращения. Лифион, не обращая внимания на пару, стал обшаривать тела в попытках найти необходимые нити, которые привели бы его к объяснению происходящего. Карманы всех трех были пусты. И тут он понял смысл слов.

– «Они повсюду» говоришь? – спросил себя Лифион вслух. – Проклятье!

Он бросился бежать со всех ног к дому арраванта, который был не так далеко.

Выбежав из уютного дворика с пышным садом, он увидел все то, что таило в себе сегодняшнее утро. Трупы бледнокожих охотников были разбросаны по улицам в перемешку с убитыми горожанами. Гомон плача, страданий и криков гнался за Лифионом весь путь до дома Эйлигера. Изредка на его пути попадались люди, которые тут же прятались в кустах или подворотнях, принимая Лифиона за одного из недоброжелателей. Город за одну ночь стал неудобным. Всюду были разбросаны поломанные ветки, доски, железные трубы, будто на город нале-

тел ураган, но это было не далеко не так. Молистиновые трубы, опоясавшие весь город, сегодня не гудели.

Он забежал за угол на другую улицу и увидел как несколько мужчин отбиваются от толпы чужаков, не пуская их во двор домов. Слышались одновременно глухие удары палок о головы чужаков и треск костей. Лифион на бегу подобрал весомый кусок арматуры и понесся дальше. Арматура была липкой от чей-то крови, но сейчас это не имело никакого значения для него. Он был уверен, что Эйлигер в опасности и ему нужна его помощь.

«Хоть бы он был еще жив», – пронеслось в голове у Лифиона.

Через квартал он увидел здание арраванта. Семнадцатипурвневое строение напоминало странную конструкцию, сложенную из треугольников. В стеклянном фасаде отражалось все то, что происходило на улице, и ничего, что происходило внутри здания. Большими шагами Лифион приближался к одинокому зданию и его удивляло отсутствие людей. Мусор и следы борьбы были видны повсюду, но никого из живых не было. Лифиону стало не по себе.

Страх в нем смешался с беспомощностью. Он не мог до сих пор поверить, что не увидел ничего в глазах чужака. Пустота до сих пор стояла в его глазах словно наказание. А ведь его дар в прошлом и стал для него настоящим наказанием, которое разлучило его с семьей.

Лифион был старшим из трех. Когда мать перебралась с его братьями из Нисклаама в Лимессу, то на его плечи упала вся мужская работа в их семье. Поселившись на окраине Эйзулур в небольшой холодной каменной хижине, его семья направила все силы на выживание. Каждое утро Лифион уходил в порты для того, чтобы выйти в океан в надежде поймать рыбы или поработать помощником на рыбацком судне.

Так проходили индикты и ходы его пребывания в чуждой для него стране. Он и не заметил как его младшие братья выросли, а былая красота его матери значительно увяла. Лифион уже не был вольным портовым рыбаком, он открыл несколько лавак на рынке Эйзулур недалеко от Энндуары. Братья стали постепенно помогать ему в торговых делах, но часто до поздна задерживались на улице с дворовыми ребятами.

Постепенно Лифион стал замечать, что Гион и Фудо стали гулять порознь. Фудо всегда приходил домой раньше, а Гион задерживался. Лифион списывал это на возраст Гиона, все таки он был старше Фудо. У него могли появиться иные увлечения, чем у младшего брата. Но как оказалось позже, беспокойство Лифиона было не без основательным.

Причиной для беспокойства стало исчезновение молодой девушки, дочки одного крупного торговца и к тому же близкого друга Энндуары, а это говорило о том, что если кто-то и похитил ее, то расправа будет не только с преступником, но и с его семьей. После того как шокирующая новость разлетелась во все уголки Эйзулур, у Лифиона внутри возникло кислое чувство тревоги. Лифион, на чьих плечах до сих пор держалось все домашнее хозяйство, необъяснимым образом стал беспокоится за Гиона.

Однажды в праздничный день, он застал Гиона в саду. Тот сидел и сидел и занимался созданием небольшой подделки из кожи.

– Что делаешь?

– Небольшую куколку для мамы. – Гион продемонстрировал маленького человечка со смешной головой старшему брату.

– Хорошая затея. Кстати, ты же слышал об исчезновении той девушки?

– Да, – несколько нехотя и нервно ответил Гион, не поднимая глаз на брата. – Про нее все говорят...

– Может быть ты видел ее перед исчезновением?

– Ее много кто видел. Ведь ее отец торговец. Он часто с ней прогуливался по рынку.

– Может, ты видел ее с кем-то, кто мог бы ее похитить?

– Она всегда с отцом. Он с нее глаз не сводил и никому не позволял до нее даже дотрагиваться.

В этот момент у Лифиона возникло странное внутреннее состояние, которое твердило ему, что Гион недоговаривает. Следуя своему ощущению Лифион продолжил задавать вопросы брату в надежде выведать хоть какую-нибудь зацепку.

– А тебе она нравилась?

Гион явно не был расположен давать искренний ответ. Он пропустил его мимо ушей и продолжил дальше возиться с куклой.

– Гион, ты меня слышишь?

Гион резко поднял на брата глаза и раздраженно спросил:

– Что тебе нужно?

Когда их взгляды встретились, у Лифиона впервые случилось, то что он сам назвал «смотрением». Он не мог понять, что с ним на самом деле происходит. Весь мир потускнел и только глаза брата показывали ему то, что Лифион хотел узнать.

Лифион видел каждый шаг брата, каждое его движение. Все, казалось, настолько реалистичным, будто он сам сделал это с несчастной девушкой. Будто вся вина от содеянного была на Лифионе. Но что было дальше, он и подумать не мог, что это мог сделать его родной брат.

Все действия перед его глазами отматывались назад. И когда он закончил смотреть, то вся разум сложил всю картину в правильном порядке.

Он увидел как Гион похитил девушку, передавив ей горло желтой лентой. И подняв ее на руки, унес девушку прочь из города в безлюдное холмистое место. Он принес ее в небольшое укромное место, что-то на подобе хижины, часть которой была вделана в холм. Хижина была похожа заброшенное контрабандистское местечко, где можно было переждать ненастных событий или залечь на продолжительное время.

Пока девушка лежала на грубо сколоченной лежанке Гион осторожно перевернул девушку на бок и со всей силы в затылок под волосы вогнал железный штырь. В этот момент девушка дернулась – это было ее последнее движение в ее короткой жизни. На руках Гиона появилась кровь.

Но что было дальше для Лифиона было невообразимо. Гион раздел девушку и усадил ее перед собой за стол, загодя примотав ее к столу. Ее юное лицо с закрытыми глазами и пухлыми губками было отклонено немного в сторону и вниз. Длинные русые волосы падали на плечи и грудь. Гион сидел напротив нее и рассказывал ей истории, признавался ей в любви со слезами на глазах, пел песни, читал стихи. Это было полным безумием.

Лифион пришел в себя. Перед ним было лицо его брата, который со злостью сжимал куклу. Лифион выбил из рук брата кожаного человечка и схватил брата за грудки.

– Ты в своем уме!? – закричал Лифион. – Зачем ты ее убил, идиот?

Гион явно не ожидал такого поворота событий. Он все сделал тихо. Никто не видел его – это он знал точно. Но откуда это знал брат. Как он узнал? От такой досады у Гиона потекли слезы.

– Отпусти! – закричал Гион и стал бить по сильным рукам старшего брата, которые держали его мертвой хваткой.

– Ты знаешь, что теперь будет с нами всеми? Ты головой думал, нет?

– Отпусти! – продолжал кричать Гион.

Лифион хорошенько потрянул брата и бросил на землю.

– Ты все равно ничего не поймешь! – проговорил сквозь слезы Гион. – Она та, о которой я мечтал...

Лифион не стал слушать брата, а сел под орешину и схватился за голову.

С тех пор жизнь Лифиона и его семьи изменилась так, что он даже не проводил в последний путь свою мать, которую сильно любил и которой дорожил. Гион уничтожил все, что создал Лифион.

Лифион стяхнул с себя воспоминания и вбежал в холл дома. Украшенный в небесных тонах высокий потолок, отделанные дорогим камнем колонны, вазоны благоухающих цветов ожидали его в полной тишине. По полу были раскиданы щепки и куски земли, кое-где виднелись кровавые разводы на полу и стенах. Возле лифта лежало тело, по-видимому, консьержа или кого-то из технического персонала. Лифт не работал, поэтому Лифиону пришлось подниматься по лестнице. В нем все еще была вера в то, что Эйлигер еще жив.

Добежав до пятнадцатого уровня, он стал встречать одиноких чужаков, которые тоже двигались вверх. Догнав одного на лестнице, он ударил железным прутом по затылку. Серая жижа и вонь вырвались наружу. Лифион невольно закрыл нос рукавом. Тело рухнуло и безвольно покатило по ступеням вниз, оставляя серые следы то ли крови, то ли болотной грязи.

На следующем уровне ему пришлось уже уложить четверых. Треск проломленных костей вместе с вонью разлетался эхом по всему пролету. Самое странное, что показалось Лифиону, так это то, что ни один из них не давал ему отпор. Они будто все были настроены на всех, кроме него. Ему оставалось лишь только подойти и пробить им голову.

Ноги Лифиона уже отказывались его нести. Добравшись до двери, ведущей в коридор семнадцатого уровня, он остановился на миг, чтобы отдышаться. Голова шла кругом. Воздух тяжелым дыханием проникал в легкие. Железный прут, изляпанный остатками плоти и серой жижи, словно прирос к руке. У Лифиона никогда не было такой зарядки как в это утро.

Отдыхать не было времени. Он вбежал в коридор, который вел к жилищу арванта и обомлел от ужаса. Весь коридор был буквально забит чужаками. Они все настойчиво ломились к Эйлигеру, создавая толчею и беспорядок. Черно-белая река из чужаков заполнила весь коридор.

«Хоть бы он был жив» – надеялся Лифион.

Он занес прут и пробил пару голов. Двое рухнуло на пол. И тут случилось то, чего он никак не мог ожидать. Толчея прикритилась и вся толпа замерла, словно все они были единым организмом. У Лифиона внутри тоже все замерло. Толпа стояла в молчании, в ожидании взрыва. Появилось небольшое движение и вся река чужаков вновь пришла в движение. Но они не продолжили ломиться дальше, он стали оборачиваться к нему. Лифион сделал осторожный шаг назад. Стоящие к нему чужаки сделали шаг вперед.

Лифион понимал чем оборачивается это дело. Мысль «пробраться к Эйлигеру» была жестко отодвинута другой – «спастись бегством».

Не успел Лифион сделать второй шаг, как толпа взорвалась и бросилась на него. Он с невероятной скоростью выбежал в обратном направлении на лестничную площадку и увидел как снизу поднималась еще толпа в голов десять.

Ситуация была очень щекотливая. Тут Лифион справа от себя увидел небольшой проем, который вел на крышу здания. Выбора особо не было, он резко рванул на крышу, чтобы там уже разобраться как можно действовать дальше и что можно придумать.

Выбежав на утреннюю свежесть, Лифион увидел город как на ладони: большие стеклянные здания, молистиновые трубы, зеленые островки парков и садов. Он кинулся к массивным вентиляционным колодцам. Там он сможет немного набраться сил и обдумать действия. Он знал что Эйлигер жив. В противном случае, эти пришельцы бы так не толпились у его апартаментов.

Они выбегали на крышу, мешаясь у друг друга под ногами. По их виду было ясно, что они не знали, где находится Лифион. Растерянность была на лицо. Однако их становилось все больше и больше, а у Лифиона так и не возникло никакой идеи кроме того как пойти в бой.

Все в дальнейшем происходило как в припадке бешенства. Лифион как отчаявшийся зверь бросился на толпу со злобой и бесстрашием. Размытый фокус, снесенные прутом головы, костная крошка, летящая во все стороны, болотная гниющая затхлость, бьющая по носу – все расцветало перед ним ужасающими цветками реальности. Однако для Лифиона тоже не все

прошло так гладко. Один из нападавших укусил его за плечо, другой – расцарапал когтями левую щеку, еще один – изорвал его легкий свитер на спине и рукаве, оставляя кровавые борозды на его теле. Лифиону в порыве неравной схватки удалось нескольких столкнуть с крыши вниз. Он не считал скольких ему удалось положить, но замечал, что подкрепление все поспевало и поспевало.

Ему казалось, что битва будет бесконечной. Силы уже стали медленно покидать его. Мышцы стали наливаясь металлической тяжестью усталости. Прут в руке работал не опускаясь. В пылу битвы Лифион не заметил как на него бежали всего трое. Хруст голов положил начало тишине, которая свалилась на его плечи приятной тяжестью.

Мышцы гудели от сильного напряжения. Лифион все никак не мог отдышаться. Он стоял и наслаждался тихим рассветом. Солнце начало медленно выкарабкиваться из-за горизонта. Он был готов смотреть на это вечно. Солнце придавало ему сил и уверенность, что весь утренний кошмар имеет конец. Медлить было нельзя. Эйлигер был еще в опасности.

Лифион стер с лица серую жидкость, которая летела на него из разбитых голов. Вонь уже не чувствовалась – он к ней привык. Практически вся площадка крыши была усеяна мертвыми телами. Лифион направлялся к проходу идя прямо по телам.

Войдя в знакомый коридор снова, Лифион увидел, что чужаков тут не осталось. Лишь двое, которых ему удалось убить, лежали на полу слившись с тишиной и вонью.

Перешагнув мертвецов Лифион быстрым шагом направился к апартаментам Эйлигера. Металлическая трость в его руках была наготове.

Эйлигер проживал в конце коридора. Добравшись, он увидел, что дверь была выломана. Дверной проем, ведущий в гостиную, открывал взору Лифиона жуткое зрелище – разбитые дорогие атрибуты декора, сломанная мебель из ценных пород дерева, осколками посуды был устлан весь мраморный пол. Некогда ухоженная и уютная комната предстала в разрухе.

Он шагнул внутрь, осторожно переставляя ноги, чтобы не создать лишнего шума. В панорамных окнах апартаментов Эйлигера появилось солнце, которое осветило разруху. Лифион осматривал каждый угол комнаты, ища глазами тело арраванта. Большая картина с пасторалью Даргалиона была разбита и неуклюже валялась около стены, на которой висела. Большие вазы, стоящие возле окон, были побиты. Одна из штор была содрана и бурым пятном лежала на полу возле дивана. На лицо были следы борьбы, что давало надежду Лифиону на то, что арравант Эйлигер жив.

Послышались шорохи справа. Лифион напрягся и осторожно пошел на звук. Путь вел его в спальню. Тут он тоже увидел следы борьбы и с десятков чужаков, которые ломались в запертую дверь ванной комнаты. Это значило только одно – арравант жив.

Молниеносно в дело вступил металлический прут. Хруст голов был уже настолько привычным для ушей Лифиона, что он разобрался с чужаками в мгновения ока. Брызги серой вони летели на стены и кровать, оставляя следы кары Лифиона. После последнего удара повисла тревожная тишина.

– Арравант Эйлигер? – С опаской спросил Лифион. – Вы там?

В ответ было молчание.

Лифион дернул за ручку двери. Дверь не поддавалась. Лифион громко крикнул:

– Эйлигер!

С той стороны двери послышался стон. Лифион не думая и не медля, приложился к двери и двумя ударами сломал замок.

Арравант лежал в ванне с ножом в левой руке. Крупные пятна крови расплзлись на его пижаме. Правая рука была перемотана полотенцем. Эйлигер был бледен. Видимо, потерял много крови, но еще был в сознании, чтобы признать своего спасителя.

– Лифио... – бессильно произнес арравант. – Я уже думал, что...

– Как вы? – спросил Лифион, осторожно вытаскивая Эйлигера из ванны и сопровождая его в спальню.

– В целом не плохо, как видишь. Кровь сумел остановить...

Арравант оглядел тела чужаков, лежащих в его спальне. Вонь от серой жидкости наполнила комнату и стала не выносимой. Эйлигера вырвало на одного из мертвецов. Лифион быстро вывел его из спальни в гостиную.

– Вам нужно на свежий воздух, – сказал Лифион.

– Откуда они пришли? Кто они? Почему охрана не задержала и не перебила их? – Эйлигер, несмотря на свое состояние, был явно возмущен.

– Я не знаю, – ответил Лифион.

– Сегодня же всех уволю! Даже думать не буду!

Эйлигер остановился и произнес:

– Моя дочь! Она сегодня должна вернуться...

– А кто ее будет встречать? – Спросил Лифион.

– Несколько ребят должны были отправиться сегодня утром в речной порт.

– Но весь город...

Лифион не успел договорить – Эйлигера снова вырвало. Он взял арраванта под руки и повел его из квартиры, захватив несколько бутылок воды.

Поднявшись на крышу, Эйлигер было сильно удивлен тому количеству трупов, которое было на крыше.

– Это все ты? – с удивлением спросил Эйлигер.

– Да, – ответил Лифион с пренебрежением в голосе. – Все они были у вас в апартаментах.

Лифион провел его до окраины здания. Город блистал в солнечных лучах, но тонкой линией в воздухе ощущалась скорбь и боль. Внизу на улицах было не уютно – везде был раскидан мусор. Где-то вдалеке запели трубы протяжным воем.

– Что это еще за такое? – возмутился Эйлигер.

В ответ Лифион пожал плечами, но где-то глубоко внутри знал, что гул труб надрывисто пел о падении Лигерхальда.

7. Шаккам. Ким-Рабана

Она стояла перед огромным зеркалом абсолютно нагая. Она смотрела на свое лицо и внутри нее медленными волнами растекались наслаждение и гордость за свои прекрасные черты лица, которыми наградила ее природа. Она довольно часто стояла у зеркала и рассматривала себя подробно: каждую пору, каждый изгиб, каждую черту, каждый участок ее бархатистой кожи. Ей казалось, что этим должны заниматься все женщины, неважно какого они происхождения. Эту процедуру Ягрит придумала сама, когда была еще молоденькой девушкой и не изменяла этой традиции даже сейчас, находясь в Ким-Рабане.

Ее взгляд медленно скользил с побдорodka на шею. Тонкие, еле заметные вены небольшими полосками аккуратно были спрятаны под кожу. Они медленно пульсировали в такт ее сердцебиению. Обсмаковав изящные линии, она двинулась дальше.

Грудь для нее была воплощением чего-то первородного и истинно женственного. Два бутона сосков изящно располагались на округлых холмиках. Грудь, несмотря на возраст Ягрит, была все так же подтянута и красива, как и несколько индиктов назад. Она не боялась показать ее, а наоборот, разрешала случайным свидетелям насладиться ее красотой вместе с Ягрит, особенно, когда она жила в имении Маадала. Она разрешала кухаркам и уборщицам смотреть на нее, специально оставляя дверь в комнату чуть приоткрытой.

Затем был живот. Все такой же ровный и плоский с выраженными мышцами пресса. Ей не приходилось прилагать усилий, чтобы держать эту часть тела в тонусе. Она знала, что такое изящество было всегда.

Добравшись до пупка, она устремила взгляд в неглубокую ямочку. Она ей казалась очень милой и всегда вызывала улыбку. И в это утро на ее лице играла улыбка. Она с благоговением провела руками по нежной коже вокруг милой ямочки и еще раз порадовалась, что она у нее есть.

Сразу за пупком шла ткань цвета кожи, которая была еле различима даже с близкого расстояния. Полоска ткани, которую она наматывала на низ живота, стала частью ее, уже давным-давно. Она стала медленно разматывать ткань с ужасом на глазах и предвкушением боли от увиденного. Самая невыносимая боль ее посещала тогда, когда она бросала первый взгляд на низ живота, а затем это мерзкое чувство ее медленно отпускало, оставляя кисло-женное послевкусие. Она со страхом в руках продолжала разматывать уже ставшую такой родной теплую ткань, прижимая ее второй рукой, чтобы та раньше времени не обнажила то, что пробуждало в ней мучительные воспоминания.

И вот, она стоит перед зеркалом, взгляд устремлен в низ живота. Набравшись сил, она отпустила руки и ткань, полная ее тепла, безликой тряпкой рухнула на пол к ее ногам. Взгляд резали ужасные рваные шрамы. На глазах стали собираться слезы, но она не позволяла им перелиться за веки. Если она это позволит, то она проиграет давнюю битву своей слабости. Шрамы расплосовывали некогда прекрасную часть тела и превращали ее в отвратительную картину сумасшедшего ножа. Рваные полосы не имели никакой логики, словно их наносил безумец в пылу ярости. Но она помнила по имени всех, кто стоял над ее прекрасным телом, над ее красотой, над ее здоровьем в ту ночь. Некогда она считала их самыми близкими и самыми надежными. Она доверяли им все, что было у нее – саму себя, свои чувства, свои страхи, свои мысли. Они превратили ее в ту, которая уже никогда не сможет иметь детей, любить мужа, заботиться о близких. Они лишили ее всего того, чего она желала и о чем мечтала – семьи. Ее шрамы носили имя каждой, кого она убила. И только один самый уродливый и красный рваный рубец носил имя Суттиры. Той женщины, которую она желала уничтожить и придать мукам. Но ее время еще настанет, она об этом знала.

Переведя взгляд со шрамов на свое прекрасное лицо, она стала успокаиваться. Гнев, вызванный воспоминаниями, стал угасать. Она понимала, что никогда не сможет избавиться от них, хотя в Ким-Рабане были технологии по замене кожного покрова на любой части тела. Она должна полюбить ужасные метки прошлого. Она должна принять это как испытание, выставленное для нее судьбой.

Она быстро замотала изуродованное место тканью и примерила на себя тонкое платье, которое как раз было уготованно для знойной погоды вечнозеленого Шаккама. Осторожными шагами она вышла из своих покоев и направилась через огромный зал к балкону.

Дом, в который ее привел Гион, стоял на холме. С него открывался вид на Ким-Рабану и на океан, который яркой лазурной лентой обрамлял город. Ким-Рабана, как столица, ее сильно удивила: сходство в архитектуре с Эйзулуrom было паразитично. Дома схожие по облику, узкие улочки, от которых веяло древностью и запахом океана, который окутывал каждого жителя. Еще ее поражали иглы, которые пронзали город. Каменные колонны, исписанные фамильными знаками и историями, бросали на город мистический оттенок. Она обязательно разузнает как они называются.

К чему она была не готова, так это к южной жаре. Первые дни она с трудом справлялась с духотой. С головой происходило что-то неопишное. Она не могла сконцентрироваться, ее часто посещала головная боль и головокружение. Иногда после долгих прогулок по саду у Ягрит кружилась голова и она была вынуждена уходить в небольшую беседку в тени и смачивать руки и лоб прохладной водой.

Выйдя на балкон, заставленный растениями с огромными листьями в вазонах, она почувствовала ласковое тепло еще не раскаленной столицы Шаккама. Под тенью листьев она обнаружила столик и несколько кресел из дерева с мягкими подушками. Приютившись на одном из них, она стала пристально вглядываться в городские крыши, восхищаясь каждый раз, когда перепрыгивала взглядом с крыши на крышу. Пестрота красок архитектуры доставляли ей эстетическое удовольствие.

Хотя весь город для нее и казался благодатным и щедрым, но она все равно ощущала себя лишней здесь. Даже прекрасный дом Гиона, не смотря на уют и убранства, не внушал ей доверия и расположения. Она чувствовала себя пленницей. Гион предупредил Ягрит о том, что до его приезда она не должна покидать этот дом, так как может оказаться в опасности. Ягрит заметила одну особенность, что в доме Гиона было только несколько уборщиц, хотя он был огромен, даже больше, чем у Маадаля. Как могут эти хрупкие девушки сами убирать такое огромное здание?

Всматриваясь в панораму древней Ким-Рабаны, к ней, откуда-то из глубины, пришла мысль о том, что тут в Шаккаме ей ничего не снилось. От этой мысли ей стало не по себе. Она была благодарна всем своим снам, которые с помощью книги Пробуждений воплощались в реальные действия и помогали ей избежать чудовищных ошибок. Но столь долгое отсутствие снов было для нее странным обстоятельством. Но Ягрит старалась не заострять свои мысли на этом.

Служанка со смуглой кожей вынесла Ягрит стеклянный кувшин охлажденного сока и поставила его вместе со стаканами на столик.

– Госпоже будет жарко, а сок из свежих фруктов и ягод поможет перетерпеть зной Ким-Рабаны, – с глубоким почитанием произнесла служанка.

– Благодарю тебя, ... – Ягрит не смогла вспомнить имя девушки.

Но девушка не обратила на это внимание и быстро покинула балкон.

Ягрит выпила полстакана сока и, поджав ноги, аккуратно уместилась на маленьком диванчике. Ей вдруг стало интересно, а донесли ли до Маадаля весть о гибели его пташек, и отправил ли он людей на ее поиски. Она стала представлять себе как верные люди Маадаля,

Фудо и Жоггар ищут ее по всей Лимессе. Она улыбнулась самой себе. Почему-то эта мысль показалась ей забавной. С этими мыслями она плавно погрузилась в послеобеденный сон.

Ей снился лес. Непроходимый и опасный лес. Через темно-зеленые заросли тяжело пробивалось солнце. Трава была та высока, что невозможно было увидеть, кто в ней может прятаться. Всюду кишела опасность. Она шла по узкой тропинке и боялась повернуть голову в какую-либо сторону. Сзади слышались крики, шепоты и мужские голоса. Осторожно ступая, она пробиралась далее, как ей казалось, к свету. Но с каждым шагом света, падавшего на тропу, становилось все меньше. Необъятные стволы деревьев окоймляли дорожку и в грозном молчании провожали Ягрит.

Вдруг Ягрит обнаружила, что несет какой-то сверток, сильно прижимая его к груди. То что было внутри было мягким, живым и теплым. Но у нее и в мыслях не было останавливаться и посмотреть, что там в свертке. Комочек изредка шевелился и приятным нежил ее теплом. Ягрит не хотела показывать это темному лесу и всем тварям, которые дышали ей в след.

Тропинка петляла и заводила ее все дальше в темноту. Вдруг стало совсем непроглядно. Ягрит остановилась и все звуки, шипения тоже затихли. Она вскинула голову к небу и увидела лишь темноту. Дальше идти она не могла – она не видела даже собственных рук.

Вдруг откуда-то позади вспыхнуло яркое свечение. Она обернулась – синие светлячки небольшим облаком летели к ней. Хаотичные светящиеся точки приближались, облетая стволы и могучие ветви. Она плотнее прижала к себе мягкий комочек, не понимая откуда понимая, что они летят не к ней, а к этому живому комочку. Точки стали кружить возле рук и головы Ягрит, не касаясь ее. Она присмотрелась у разгадала в них крохотных мотыльков. Теперь, когда они словно искры костра окружили ее, она смогла увидеть тропку и осторожно двинулась дальше. Как только она сделала первый шаг, все сразу же зашипело: крики, визги, рычание врезались в ее слух.

Светлячки бесшумно вели ее все глубже в мрачные покои непроходимого леса. Их становилось все больше и больше, теперь тропинку и стволы деревьев было видно как днем. Ягрит даже позволила себе немного ускорить шаг.

Она не заметила как оказалась на небольшой полянке. Могучие стволы деревьев теперь отступили в стороны. Ягрит осмотрелась и увидела постройку. Постройка была ей настолько знакома, но образ в голове был затертым. Постояв немного, она вспомнила это здание. И тут у нее начали трястись руки от страха. Перед ней было святилище Суттиры, где ее предали ритуалу безумного ножа. Она обернулась, чтобы броситься подальше от этого места, но тропинка исчезла и сейчас на ее месте стояли могучие деревья.

Раздалось трескучее визжание. Несмазанные петли открывали тяжелую деревянную дверь, откуда лился теплый красноватый свет. Святилище приглашало ее войти. Войти и вспомнить все, что было в ее прошлой жизни, до момента касания острия ножа ее нежной плоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.